

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЁВ

БОРЬБА ФАНТАСТИКА

НЕГОЦИАНТ

Владислав Жеребьёв

Негоциант

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10696104

Негоциант:
ISBN 978-5-906017-84-0

Аннотация

Мог ли подумать молодой менеджер Дмитрий Сбирский, что обычная просьба его начальника, забрать посылку из аэропорта, ознаменует для него начало нового этапа жизни? Да что там, этапа? Новой жизни, причём полной захватывающих приключений, интриг, погонь, смертельных опасностей. Ему, обычному молодому работнику, сделал предложение сам Подольских, могущественный олигарх и главный босс Дмитрия. В обмен на возможность заработать приличные деньги, Дмитрий должен отправиться с помощью загадочных врат на планету Марлан, чтобы возглавить торговое представительство корпорации Подольских в этом загадочном мире. Вместе с Дмитрием отправляется его верный друг Вячеслав. Вперёд, опасности и приключения ждут негоцианта.

Владислав Жеребьев

Негоциант

Тягостный жаркий вечер. Из тех, когда одни горожане расходятся по домам, где, сидя под вентиляторами и кондиционерами, тянут кислое дешевое пиво, а других жителей мегаполиса отчаянно гонит на речку, озеро или любой другой водоем, где можно окунуться. Я стою в пробке. Пятница, лето, стандартная ситуация для любого мегаполиса. Куда ни глянь, вереницы коптящих небо машин и асфальт, от которого поднимается прозрачное, колышущееся марево. Радио что-то бубнило, усталый диджей, бодрясь и страдая словесным поносом, нес какую-то околесицу, перемежая свой монолог прогнозом погоды и предупреждениями о пробках, о которых и так все знали, и, очевидно, думал, что делает что-то полезное. Я курил, свесив руку в открытое окно, и вяло давил на педали. Каждый раз я давал себе зарок никогда не садиться в автомобиль в пятницу, и уж тем более ни в жизнь не выезжать на дорогу в этот день недели летом. В эту самую пору оголтелые дачники заводят свои рыдваны, комплектуют их рассадой, садовым инвентарем и своими боевыми подругами сильно за шестьдесят и, усложняя и без того проблемный трафик, едут на свой садовый участок в Ново-Кукуево, чтобы ближайшие два дня провести над грядками не разгибая спины, на выхлопе получив с десятков банок

огурцов и ревматизм на всю тушку.

В голове мелькнула шальная мысль – а не бросить ли мне машину у тротуара, поставить на сигнализацию, положить ключи в карман и прогуляться по набережной? Вон и место для парковки свободное есть, а метрах в трехстах вполне приличного вида ресторанчик с летней террасой и почти наверняка обширным баром с выбором прохладительных напитков. Телефон на торпедо подпрыгнул и стал выписывать причудливые па на гладкой кожаной поверхности. Поймав маленького бесенка, я с разочарованием отметил, что номер, высветившийся на экране, вовсе не стоял в списке долгожданных вечером перед выходными. Делать нечего, отвечать придется.

– Привет, босс, – как можно жизнерадостнее начал я. – Чем обязан?

– Всем, – лаконично заметил мой начальник.

– Так все-таки? – ничуть не смутился я подобной манере общения. Мой непосредственный начальник частенько любил включать «генерала» даже перед теми, кто стоит на пару ступеней ниже его на карьерной лестнице, а уж обо мне так и вообще говорить нечего.

– Для начала перестань называть меня боссом, – послышалось из трубки. – Больше похоже на мафиозный жаргон, чем на разговор начальника с подчиненным.

– Хорошо, команданте, – легко согласился я. – Не буду.

– Господи, – возопила трубка. – Ну с кем я разговариваю?

Ладно, слушай. Сегодня в восемь вечера в «Пулково» прилетает курьер. Очень важная посылка, почте доверить не решились. Планировалось, что поеду я, но у меня срочные дела.

«Как же, срочные дела, – улыбнулся я про себя. – По девкам, небось, собрался или засел в пабе и надирается чем-нибудь холодным и темным».

– Ты слышишь меня, Митя?

– Да, Павел Константинович. – Я представил уже пропавший, буквально рухнувший в тартарары и рассыпавшийся в мелкое крошево вечер. А у меня на него были определенные планы. Начнем с того, что я собирался все-таки добратсья до дома. Потом поставить машину на парковку, влезть в холодный душ и после позвонить своему старому приятелю по армии Славику, который в качестве основного заработка выбрал информационные технологии и потому бездельничал большую часть времени.

Я, к примеру, менеджер по продажам. Человек, работа которого заключается в том, чтобы доказать абсолютно незнакомой мне личности, независимо от пола, возраста, социального положения и кулинарных пристрастий, что им явно необходимо то, что я продаю. Продавал я лампочки. Самые обычные лампочки, из тех, что можно встретить в каждой городской квартире, даче или просто деревенском туалете, у хозяев которого дошли руки заняться электрификацией своих удобств.

– Ну, так вот, – продолжал вещать начальник. – Рейс таллиннский. Авиалинии их же. Встретишь некоего Артура Каппа, заберешь пакет и завтра привезешь на работу. Не вздумай только потерять или еще что с ним сделать, а то нам с тобой высокое начальство голову мигом отвинтит.

– Как же я узнаю, кто из них Капп? – растерялся я. – Там же уйма народу, и все, небось, не по-нашему лопочут.

– Артур знает русский, – успокоил меня Павел Константинович. – А как узнаешь? Да хоть возьми кусок картона в руки, напиши на нем имя с фамилией и стой себе спокойно. Курьер к тебе сам подойдет. Мне, к примеру, тоже его физиономических особенностей никто не расписывал. Дали только номер рейса, время и как зовут. Ну что, Дмитрий, не подведешь?

– Не извольте сомневаться, – браво выдал я и, нажав на кнопку отбоя, с ненавистью уставился на проклятый аппарат. – Это что же получается, к восьми успеть надо? Это же по пробкам как минимум часа полтора, а то и два, а потом еще назад минут сорок. Нет справедливости в этой жизни, совсем нет.

На путь до аэропорта пришлось потратить без малого два часа. Сначала я простоял в пробке при выезде из центра, потом попал в чудесную вечную пробку на Московском, проклиная этот город, эту чертову работу и ленивого босса, решившего сплавить задачу, спущенную сверху непосредственно ему, на мои хрупкие плечи, да и вообще тот день,

когда появился первый бензиновый двигатель внутреннего сгорания. Потом я вяло добрался до поворота на Пулково. Стоянка рядом с аэропортом, естественно, была забита под завязку. Семь тридцать на часах, и надо чем-то заняться. Конечно, в аэропорту бесплатный Wi-Fi! С трудом найдя свободное парковочное место, я вытащил из багажника ноутбук и бодро потопал к приземистому зданию аэропорта с прямым намерением отведать интернетхалявы, выпить кофе и по возможности устроить себе миниужин, если на это останется время.

Рамки детектора на входе пискнули, и суровый страж порядка начал требовать с меня опустошения карманов и признания в незаконном ношении чего-нибудь запрещенного. Ему было скучно и жарко, и понять парня было можно. Но тому, кто просидел в душном салоне автомобиля три часа, пытаясь выполнить задание, от которого лично мне ни жарко, ни холодно, пожалеть его было сложно.

Вытащив из кармана ключи от автомобиля, ключи от квартиры, шариковую ручку, сняв зажим для галстука и водрузив это все на ноутбук, я с ухмылкой про себя, под разочарованные взгляды сотрудников службы безопасности аэропорта гордо прошествовал внутрь и принялся расковырять свои вещи по карманам.

– Встречаете кого-то? – поинтересовался все тот же тип, что устроил мне досмотр.

– Да, – кивнул я. – Работа. – Распространяться о своих

планах каждому встречному не входило в мои привычки. Если сказать честно, я вообще не любил незнакомцев. Много от них неожиданностей, зачастую неприятных, много проблем, много шума или, наоборот, много лени. Не знаю, никогда их не классифицировал, не разбивал на отдельные стопочки и не занимался анализом. Просто не любил. Тот же охранник, которого я вижу в первый и, наверное, в последний раз в жизни, устроил мне тягомотину на входе. Господи, ну и так понятно, что звенят ключи, телефон, ноутбук. Если бы я собрался пронести нож, то припас бы пластиковый. Ни один детектор их не берет, стали в них ни грамма, а свою функцию выполняют прекрасно. То же и с пистолетами. Бомба? Ну, на шахида я явно не похож, не тот типаж, да и отношения у меня со всем Кавказом сложные. Не люблю об этом рассказывать. Послужить мне в свое время пришлось, это да, и не так как большинству россиян, тихо сидя в расположении и рассматривая автомат на картинках. Дорог истоптали немало, банок тушенки опустошили – не счесть, а сигарет выкурили великое множество. От службы в армии осталось двоякое впечатление. С одной стороны – долг родине отдал, был крепок, подтянут. Стометровка, или там отжаться от пола, для меня не проблема. В остальном же усталость, тревожный сон и ощущение горького похмелья. Иногда страх, иногда паника, когда просыпаешься один, в своей однушке, мокрый как мышь, и все еще силишься понять, где ты и почему не стреляют. У кого-то это проходит, у ко-

го-то остается навсегда.

– Международный? – вновь поинтересовался охранник, пропуская без проблем следующего встречающего.

Вот сволота! У него же наверняка тарантул в рукаве. Паук, правда, за холодное или огнестрельное оружие не пройдет, но все равно, осмотрел бы.

Да и что он, спрашивается, ко мне привязался? Ну по работе, ну международный.

– Да, – кисло кивнул я. – До свидания. – И не дожидаясь ответа, направился к электронному табло, где можно было ознакомиться с ближайшими прибывающими рейсами.

Сверившись с местными часами и прикинув в уме, что на чашку крепкого кофе и проверку своего электронного ящика времени предостаточно, я уселся за ближайший столик местного кафе и заказал у подошедшего официанта двойной эспрессо.

– Без молока, – уточнил я. – Две ложки сахара, не более. Вместо того чтобы броситься выполнять заказ, мужичонка, обряженный в серые брюки, жилетку и передник, вяло заявил:

– Двести пятьдесят рублей.

Ну конечно, что вы ожидали? Аэропорт.

В городе нашем, чрезвычайно красивом и интересном, была одна беда. Нет, не дураки, не дороги, хотя эти два исконно русских несчастья присутствовали в великом множестве. Та беда, о которой говорю я, – это чрезмерная иници-

атива городской власти. Стояли около остановок торговые ларьки, удобная штука, доложу. Надо, скажем, купить пачку сигарет, минералки, шоколадку или презервативы, в конце концов – подошел и купил. Удобно, быстро, хоть и немного дороже, чем в сетевых магазинах. В один момент несчастных торговцев погнали с их давно уже насиженных мест, мотивируя это тем, что услуги они свои навязывают. Мол, не хочет человек купить карамелек, а пока стоит и дожидается общественного транспорта, его со страшной силой так и тянет приобрести все эти заменители вкуса идентичные натуральным, ну и потом, как следствие, сразу употребить внутрь.

Ну а теперь скажите, что может быть более навязчивым по своим услугам, чем кафе в аэропорту, на вокзале, в порту и других местах массового скопления пассажиров, желающих отбыть за границу? А цены? Вы видели эти цены? Бутерброд с колбасой – сто рублей вынь да положь. Пирожное – сто сорок. Чашка кофе – четверть тысячи.

– Да, – кивнул я, – замечательно. Кофе, двойной, два сахара, и поживей.

– Сначала рассчитываются, – пояснил официант.

Экие вы лихачи. Ну, где такое видано, чтобы за услуги сначала расплачивались, а потом их получали? Разве что у проституток практикуется.

– Хорошо, – легко согласился я и, достав из внутреннего кармана пиджака портмоне, отсчитал нужную сумму. Была, впрочем, идея проучить наглеца, дав ему пятитысячную

банкноту, но ведь сдача есть почти наверняка, а я рискую обзавестись массой замусоленных помятых бумажек, где побывавших до этого, представить страшно.

Официант с достоинством удалился, и вскоре я стал счастливым обладателем кружки заварного кофе, отмечу, весьма неплохого. Нет у нас культуры обслуживания, ну нет. Тот же Сочи, вроде бы жить им и радоваться. Курорт, производить ничего толком не надо, природа для тебя расстаралась, а фантастические цены на фоне совкового сервиса отбивают всякую охоту посещать местные здравницы. Так и тянет за рубеж.

Нужный мне рейс я чуть было не пропустил, углубившись в просторы одного из туристических сайтов. Безумно хотелось на море. Отвлечься от действительности, почувствовать на своих губах соленые брызги, а под ногами мелкий белый песок, и валять дурака несколько дней подряд.

Что бы я сделал первым делом? Не судите строго, напился. Надрался бы до зеленых чертей и пошел купаться в бассейн. В море стоит лезть только в трезвом состоянии, а тут, если что, и вытащат, и откачают, и полотенцем обернут, и в номер доставят.

Захлопнув крышку и убрав дорогую игрушку в сумку, я поспешил к нужному мне гейту. Черт, картонку забыл. Вытащив из той же сумки лист белой бумаги, я как можно крупнее вывел на нем нужные имя и фамилию, чуждую для уха нашего гражданина, и, выставив свою работу напоказ, даже

с некоторой гордостью, принялся ждать курьера.

Пассажиры выходили из терминала, обвешанные множеством сумок и чемоданов, и в едином порыве устремлялись к выходу, где их ждали встречающие или пронырливые таксисты, ломящие за свои услуги сверх всякой наглости. В общем, кому как повезет. Холл наполнился гомоном, криками детей, скрипом колесиков чемоданов и голосами зазывал, наперебой предлагающих донести багаж, а затем отправить в любую точку Северной Венеции. Удачи вам, господа туристы, смотрите только, чтоб не обворовали. Мы – большой морской город, к сожалению, не обделены данным видом криминала, а конкретнее карманниками.

Сфера их деятельности обширна и вплотную пересекается с основными туристическими тропами. Исаакиевский, Спас, Петропавловка, те места, где с вероятностью в девяносто процентов, если вы хоть чуть-чуть наблюдательны, сможете встретить типа с блуждающим взглядом, стремящегося прибиться, прислониться к движущейся мимо него семейной паре из Мюнхена. Он, отец семейства, уже лыс, большое пивное брюхо, она – маленькая и сухая, как богомол. Живут вместе лет сорок, дети давно выросли и разлетелись, словно птицы, оставив родительское гнездо. Герру с супругой скучно, и, выставив напоказ старческие голени из абсурдно широких шорт, пожилая чета отправляется в путешествие. Что они везут с собой? Камеру, фотоаппарат. Как правило, это дорогая, по российским меркам, зеркалка, стоимость

объектива которой превышает стоимость самого устройства раза в два. Либо на боку болтается, либо на животе висит. Дальше кредитные карты, ну и наличка. У них в Дойчланде это не в ходу, но московиты народ дикий, электронных платежных средств боятся, так что приходится волей-неволей обзаводиться этими аляповатыми бумажками со странными рисунками и дикими надписями.

Господина Каппа я признал почти сразу, вычленив его из пестрой толпы. Высокий, статный, дорого одетый иностранец с четким пробором в светлых, почти белых волосах шествовал вперед, горделиво возвышаясь над шумной толпой, словно отколовшийся от ледника и пустившийся в плавание айсберг. Такие выделяются из серой людской массы наших соотечественников.

Увидев мое творение, Артур резко развернулся и, ничуть не стесняясь помогать себе локтями, направился напрямиком ко мне, чем, естественно, вызвал бурю криков и негодования.

– Вы Поляков? – поинтересовался он на чистом русском с едва заметным тягучим акцентом.

– От него, – кивнул я. – Он не смог приехать и послал меня, но не беспокойтесь. Посылка дойдет в целости и сохранности.

– Странно, – светловолосый великан закусил губу. – У меня есть четкие инструкции отдать пакет лично в руки господину Полякову.

– А у меня забрать посылку от господина Каппа, – пожал я плечами. Вроде бы пустяковое дело явно осложнялось. Впрочем, что я беспокоюсь? Ну не отдаст мне блондин свой кулечек, так это поделом шефу. Нечего на обязанности класть. Поехал бы сам, проблем бы не было, а ему, видите ли, лень.

– Вы можете показать мне документы? – попросил Артур. – Любые. Права, паспорт, страховку?

– Пожалуйста. – Засунув руку за отворот пиджака, я вновь вытащил портмоне и, выудив оттуда пластиковый прямоугольник «драйв лиценз», сунул его под нос иностранцу. – Пойдет?

– Вполне, – удовлетворенно кивнул тот. – Отойдемте в сторону, тут неудобно и слишком много посторонних глаз.

– В машину? – услужливо предложил я. Как бы я ни относился к этому поручению, но Артур в моих проблемах был абсолютно не виноват. Такой же человек, как и я, он только выполнял возложенную на него миссию. Человек, только что прилетевший в другую страну, почти наверняка хочет отдохнуть и принять душ после утомительного перелета, а отвезти его в город в обход таксистов, так вообще моя святая обязанность.

– Не стоит. – Капп повел рукой и кивнул в сторону свободных столиков в кафе. – Достаточно будет просто присесть. В город мне не надо, через тридцать минут у меня обратный рейс.

– И даже чаю не попьете? – попытался пошутить я. – У нас сейчас замечательные погоды стоят, туристический сезон в разгаре.

– Нет, благодарю.

– Тогда пройдемте.

Вслед за своим импортным гостем я заспешил в сторону освободившегося неподалеку столика с двумя псевдоротанговыми креслами. Дойдя до него, блондин плюхнулся на первое попавшееся на глаза и, положив на колени дипломат, щелкнул замками.

– Вот.

На свет появился продолговатый предмет не больше пачки сигарет, обернутый в полиэтилен.

– Потрудитесь не потерять. Наши русские партнеры будут вам очень обязаны.

Вот те номер, наши, да еще партнеры. Ой, какой ты не простой курьер, господин Артур! Срываешься с места, везешь этот коробок за кордон, а на выходе встречаешь серую мышь в моем лице. Ни тебе оркестра, ни пионеров с воздушными шарами, ни на худой конец лимузина с шампанским. Любой бы стал сомневаться. Я бы уж точно обиделся на нерадивых коллег по бизнесу и обязательно попенял им на следующем совете директоров, слете комсомольцев или текущем шабаше на Лысой горе. Обязательно, даже не сомневайтесь.

– Ну, я пошел, – вдруг поднялся интурист. С шумом захлопнув дипломат и, к слову, не потрудившись попрощать-

ся, просто кивнуть или махнуть рукой, он быстрым шагом удалился в сторону зала ожидания для ВИП-персон, оставив меня в одиночестве со странной посылкой в руках.

Я взвесил прямоугольник на ладони, так и есть, тяжелый, как гиря, для такого-то размера. Интересно, что там? Золото? Золото почти наверняка обладает таким весом, но передача столь ценной вещицы произошла столь странным образом, что заставила меня усомниться. Нет, не золото. Может быть, внешний жесткий диск с информацией конкурентов? Но почему тогда столько весит?

«К черту, – решил я про себя, опуская сверток в портфель. – Это дело шефа, а не мое. Получил посылку, бросил портфель в багажник – и в понедельник этому сатрапу на стол, нате, мол, пользуйтесь. Может, и мне после этого какая галочка всплывет».

В кармане вновь тревожно запиликал телефон, но, к моему облегчению, вместо надоедливого шефа звонил долгожданный Славик, которому, видимо, надоело сидеть дома в столь чудесную погоду.

– Ты где, старый извращенец? – пошел он вразнос. – Договорились же о вечернем прозвоне, я уже и «кваку» зарядил на двух компах, и пиво купил, а тебя черти унесли!

– Может быть, я и извращенец, – ухмыльнулся я, – но не такой уж и старый. Шеф запряг в последнюю минуту какую-то дрянь получить в аэропорту.

– Получил?

– Ну да.

– Так руки в ноги и ко мне. С тебя штрафное пиво за опоздание.

– Так я же не по своей воле, – поспешил оправдаться я, но тон моего армейского приятеля пресек всяческие возражения.

– Договорились, не позвонил, проштрафился. Я пью светлое, не забывай.

– А я темное иногда, – улыбнулся я погасшему экрану телефона.

Глянув на часы, я присвистнул от удивления. С момента моей встречи с блондином и до окончания телефонного разговора прошло почти сорок минут. Дело близилось к девяти вечера, а надо было еще доехать до дома, оставить под окнами железного коня сверкать боками и покрываться городской копотью, переодеться, сбросив надоевший за неделю костюм, а потом на всех парах спешить к приятелю. Ночь «кваки» и пива, как в старые добрые времена. Этого я точно не пропущу. Скорее конец света пройдет стороной, или я умудрюсь второе пришествие Христа просидеть в ванной, но студенческие компьютерно-пивные забавы, глубоко запавшие мне в душу, всегда стояли на первом месте. Редкостью они были в последнее время. То у меня забот полон рот, то Славик уезжает чуть ли не на месяц, поднимать сетку в одном из филиалов своей конторы, но с каждым годом мы

встречались все реже и реже.

Знакомы мы с ним были только с армии, но, попав в одну часть, а потом и в роту, с удивлением обнаружили друг в друге много общего. Достаточно было того, что оба мы были из Питера, технари, и даже жить умудрились в одном районе, до этого, впрочем, так и не встретившись. Исходя из круга интересов, которые тоже совпадали, были у нас и общие развлечения, одно из которых я описал выше. Компани и пивом мы, впрочем, не ограничивались. Периодические картинговые заезды, спортивное ориентирование, походы, вот только маленький список мероприятий, который мы с успехом пополняли все новыми и новыми забавами. Хотя и было несколько вещей, которых мы сторонились в силу того, что нахлебались досыта. Первым был пейнтбол во всех его разновидностях, начиная от простого пластикового шарика, заполненного краской, и заканчивая страйкбольным боезапасом, способным с легкостью не то что синяк поставить, а и зуб выбить. Лично я в эти игры наигрался и не понимал, зачем забивать свой и без того краткий досуг беготней по подвалам и помойкам, только лишь с целью вклеить шариком с краской в мягкое место противника. Не любили мы и парашютный спорт. Против куполов, конечно, ничего не имели, но количество прыжков за спиной говорило: хватит с нас этого. Ходите по земле, так удобнее.

С мыслью о скором ништяке я спешно покинул здание аэропорта и, запрыгнув в автомобиль, принялся выруливать

со стоянки.

– С вас триста рублей, – тут же нарисовался подозрительный тип в куртке-кожанке и неуместной в такую жару вязаной шапке.

– С какого перепуга? – возмутился я. Парковочный талон, полученный на въезде от умной машины, лежал на всеобщем обозрении на торпедо моего автомобиля.

– За стоянку. – Мой новенький «фольксваген» тут же окружило еще несколько парней плотной комплекции, так же, как и их приятель, одетых не по погоде, и выражение их физиономий не сулило ничего хорошего. Вы думаете, я вышел из машины и раскидал этих шантажистов, раздавая тумачи направо и налево? Черта с два, на дурака наорвались. Драться можно с одним, ну с двумя, но когда количество противников превышает твои возможности вдвое, а то и втрое, лучшее, что тебе светит, это испорченное лакокрасочное покрытие седана, в худшем больница, а и то и реанимация.

Вновь окунувшись в недра своего кошелька, я вытащил на свет пару мелких купюр и, бросив их через окно, оскалился:

– Кушайте.

– Эээээ, мало, – возмутился вымогатель, но я, воспользовавшись замешательством бандитов, исправно кормящихся у аэропорта и не привыкших встречать сопротивление или проявление креативности, вдавил педаль акселератора

в пол, мысленно поблагодарив себя за то, что в автосалоне, как мне ни рекомендовали все возможности и приемистость автомата, заказал механику.

Добрый немец утробно заревел, вздернув стрелку тахометра почти до красной зоны, и, оставляя на асфальте черные полосы горелой резины, рванул с места, вжимая меня в мягкое сиденье. Почти космонавт при старте, а увидеть бесящие рожи в зеркале заднего вида так вдвойне приятнее. На шоссе я выбрался уже без приключений и медленно покатил в сторону виднеющегося поста ДПС. В голове вертелся, отстраиваясь и шлифуясь, план сегодняшних мероприятий. Настроение, испорченное шефом и гопниками, начало потихоньку улучшаться, и я даже принялся насвистывать песенку из старой советской комедии про вечного студента Шурика, человека пытливого ума, но наивного и стремящегося идеализировать всех, кто его окружает. Я даже не успел заметить, как здоровенный тонированный субурбан, пристроившись позади меня, плотно сел на хвост и принялся слепить дальним. Вспышка, еще, потом снова. Водитель короля дорог явно что-то от меня хотел, но только что? Вроде бы я не в крайней левой, где любят гонять различные высокопоставленные и просто малолетние балбесы, втихую стащив ключи от автомобиля отца. Уступать не надо, сигналов типа проблескового маячка и рева сирены я не наблюдаю. Твою мать, бандиты. Неужели те самые, что пытались развести меня на деньги на выезде с парковки. Им показалось мало, и они снаряди-

ли погоню! Я вдавил педаль газа, вновь пуская автомобиль в стремительный бег.

Вот что значит кипящий мозг в преддверии выходных. Ради трехсот рублей снаряжать погоню, да еще на таком авто – мелко плавают, но в тот момент в голову мне это почему-то не пришло. Ясно было одно, знакомых людей на таких авто у меня в помине не было, и, следовательно, ничего хорошего от знакомства с водителем и пассажирами внедорожника мне не светит. Пассажиры были наверняка, почему так решил – интуиция, простое предположение – неважно. Мне так и представлялась картина, позаимствованная из лихих девяностых. Распахивающиеся настежь двери с тонированными стеклами, и из недр автомобиля появляются здоровенные мужики, каждый килограммов под сто пятьдесят и под два метра ростом. В руках у них биты, бейсбольные. Необходимый, по моему мнению, аксессуар, который имеет при себе каждый уважающий себя рядовой боец преступной группировки. Им же и череп расколоть, и мячик отбить, и вообще вещь многофункциональная, самодостаточная, и выглядит эстетично.

– Нет, – прошипел я, – так просто вам меня не взять.

Перекинув «кочергу» вправо, я вновь вдавил педаль, заставив автомобиль еще плотнее прижаться к дорожному полотну.

Так, что теперь? В милицию? А стоит? Номера мои они точно переписали, так что найдут с легкостью. У них на-

верняка и базы гаишные, и связи. Нет, сразу в прокуратуру или еще куда покруче. Там народ серьезный, так просто законопослушного гражданина, избирателя и честного налогоплательщика в беде не оставит. Черт, что я несу?! Да кому я нужен кроме собственного налогового инспектора? Лихорадочный мысленный штурм был отложен на ужо, а передо мной встала дилемма: либо остановиться и попытаться объяснить, подрезал я, может, его, а народ у нас нервный, либо «тапку» в пол и валить, чтобы не огрести проблем.

Путь в город я отверг, уходя вправо к развязке кольцевой. Замечательное место для тех, кто хочет оторваться от погони. Дорога, уходящая на незаконченный КАД идет до последнего момента ровно, а потом резко расходится на два рукава, уводящие потоки в разные части города. Если ехать в одном направлении прямо, на приличной скорости, а потом резко вильнуть, то противник в гонке почти наверняка останется с носом. Пока доберется до съезда, пока развернется и помчится мне вдогонку, я успею затеряться в толпе и влиться в городской поток, уйдя по ответвлению. Отличный план, просто замечательный. Убедившись, что внедорожник, переставший, правда, моргать и теперь стремящийся просто догнать меня и, очевидно, прижать к краю дороги, я уверенно повел свой автомобиль в сторону развилки. В поворотах я его, конечно, сделаю, но на прямой мои шансы сводились к полному и безоговорочному нулю, так что финт ушами, задуманный мною ранее, был единственным

действенным способом сбросить преследователей.

Развилка стремительно приближалась, вырастая справа, как набегающий грозовой фронт. Сто метров, семьдесят, двадцать, я рванул руль, заставив автомобиль взвизгнуть по крышкам, и, вновь утопив педаль газа, понесся по серпантину. Получилось, да еще как получилось. Впрочем, радвался я рано, за секунду до начала ликования в зеркале вновь появилось хищное рыло внедорожника, зловеще поблескивающее хромированной решеткой радиатора.

– Дьявол! – Я воткнул следующую скорость и стремительно, без предупреждения, вклинился в общий поток. Слава богу, без происшествий, посигналили мне, да и только. Авария на такой скорости равна смерти, так что погубленных душ за мной не было. Тонированный субурбан, проделав тот же трюк, подрезал красную легковушку. Та, пойдя юзом, зацепила грузовую «газель», и позади меня сквозь открытые окна и воющий ветер послышался грохот и скрежет железа.

– Бинго. – Я зло сплюнул в окно. Мои преследователи показали, что церемониться не намерены. В процессе стихийно возникшей погони мысль о том, что из-за тех сотен за мной будут гоняться по городу, отпала сама собой. Соображалка, попытавшись включиться на полную катушку, принялась вычленять детали, которые могли привести к столь странным последствиям. Но, несясь по асфальтовой дороге и обдумывая все случившееся, я раз за разом заходил в тупик. Денег я ни у кого не занимал, так что вариант появления

нежданных кредиторов, возжелавших получить все, да еще с процентами, можно было смело вычеркивать. Людей я, конечно, не любил, но ввиду этого и ссориться с ними не собирался. С чужими женами не спал... Недоброжелатели? У кого их нет, но чтоб такие настырные? Может, я что-то обронил, и «добрый самаритянин» за рулем импортного внедорожника любыми средствами пытается отдать мне потерянное? Нет, конечно, нет. Уж очень методы радикальные. Может, догнали какие старые грешки, замыленные за давностью лет, но как я ни напрягал память, ничего толкового и вписывающегося в концепцию припомнить не смог.

В кармане задергался телефон, высветив номер шефа.

– Здравствуй, Дмитрий, – послышалось из трубки. – У тебя все нормально?

– Замечательно, – взвизгнул я. В голосе моем сквозила истерика, но любимый начальник продолжил, предпочитая, видимо, не замечать тональности.

– Посылку забрал?

– Да. У меня. – Я резко перестроился влево, выйдя в крайнюю полосу, и, переключив коробку на режим турбо, выдал педаль до упора. Внедорожник, маячащий позади, немного поотстал, видимо, передачи отработывали не так быстро, но вскоре вновь принялся сокращать расстояние. – Только тут проблема нарисовалась.

– Какая? – мило полюбопытствовал господин Поляков.

Ну конечно же, как я сразу не понял! От неожиданной

догадки я чуть было не выпустил из рук кожаный кругляш руля. Посылка, вот в чем проблема. Что-то очень важное и, судя по всему, очень дорогое передал мне светловолосый великан, запихнув в маленькую коробочку. Что-то настолько важное, что за ним почти наверняка следили. Преследователей смутило то, что вместо Полякова за посылкой прикатил я, и, возможно, они пытались определить, в чем тут причина, да и гоп-стоп на выезде с парковки призван был не обуть меня, лоха ушастого, на три сотни кровных рублей, а задержать, заодно прощупав на предмет – тварь я позорная или право имею.

Очевидно, придя к вполне закономерному выводу, что от такой бледной мыши в костюме ожидать можно только газов, решено было меня брать, а посылку изымать. Что так сложно? Я же – простой менеджер по продажам лампочек. Шеф мой, впутанный во все это, тоже всю жизнь ими торговал, а тут последние десять минут какие-то шпионские игры. Не хватало еще, если стрелять по колесам начнут, они у меня дорогие, кованные.

Тем временем дорога вновь начинала вихлять, и впереди показался вантовый мост, подпирающий стойками облака. Плохо это было, и вот, собственно, почему. Мост, дающий людям, живущим в нашем славном городе, уникальную возможность пересечь ночью Неву, разделяющую город на две части, не разводился, прекрасно пропуская под собой крупные суда, которые в пору судоходства летом по ночам име-

ли привычку перебираться по славному городу Петра из одного водоема в другой. Но вот беда, другую часть города я, как автомобилист, знал плохо, чего нельзя было сказать о моих преследователях. О них я вообще не мог ничего сказать, кроме того, что люди в субурбане явно не Санта-Клаусы.

Удача, изменчивая ты стерва. Сначала напугаешь до синих чертей, заставив сердце биться часто, будто взбесившийся метроном, а потом вновь улыбнешься, скалишь свои мелкие белые зубы в крысином оскале. Извини, мол, приятель, на минуту отвлеклась.

Передние колеса внедорожника вдруг пошли юзом, заставив замедлить темп, и, наконец, потеряв управление, он со всего маху вошел в бетонное ограждение дороги.

– Нет, – сухо ответил я в телефонную трубку, – ничего серьезного. Машина, думал, сломалась, а теперь все нормально.

– С ними бывает, – донесся до меня довольный голос шефа. – Жду в понедельник с посылкой.

Снизив скорость до разумной, я вытер выступивший на лбу пот и отключил телефон. Обошлось. Вот только что обошлось? Всему виной посылка, мирно лежащая в портфеле на заднем сиденье? Может, меня просто с кем-то перепутали, или все-таки тот наезд на парковке был самый вразумительный, и быки попросту решили наказать слишком дерзкого терпилу, чтоб другим неповадно было?

Страшная авария уже скрылась за поворотом, а я катил

и катил по кольцевой, удаляясь все дальше от дома и своих вечерних планов.

Преследования можно было больше не опасаться и, снизив скорость до минимально разрешенной, я закурил, откинувшись на сиденье. Немец шел ровно, уверенно, будто и не испытал тех мучительных перегрузок, от которых отечественный автопром, скорей всего, пошел бы вразнос. Молодец, братец, не подвел. Я любовно провел ладонью по гладкой кожаной поверхности торпеды, любуясь своей новой игрушкой. Автомобиль я приобрел недавно, точнее именно этот автомобиль, широкий двухлитровый седан угольно-черного цвета, со всеми атрибутами роскоши, которые мог себе позволить человек с моей зарплатой. Стеклоподъемники, кондиционер, автоматический люк – не машина, а сказка. При желании жить в ней можно, вот только туалета нет и холодильника. Я улыбнулся своим мыслям, представил, как менеджер в автомобильном салоне рекламирует агрегат с подобными опциями:

– Кроме того, в данной комплектации предусмотрен двухкамерный холодильник «Морозко» и дощатый сортир на две персоны...

Телефон в моем кармане вновь подпрыгнул.

– Ты где, волчья сыть?

– Не горячись ты, Славик, – задумчиво произнес я. – Скоро буду. Тут такие дела творятся, голова кругом.

– И какие же дела отвлекают тебя от нашего мероприятия?

– Не телефонный разговор.

До дома я добрался ближе к десяти вечера и, легко найдя парковочное место – большинство соседей, вероятно, отправились выращивать маринованные огурцы в банках, – поднялся на третий этаж.

Сбросив на кровать костюм, я прошествовал в душ, именно прошествовал, как делает это голый мужчина в собственной квартире, когда на него никто не смотрит. Когда ты один, то и плечи шире, и пивного живота нет, да и не храпишь ты вовсе. Красавец, Аполлон, лакомый кусочек для всех незамужних дев младше сорока. С чувством собственного достоинства приняв душ, я наконец выбрался из ванной комнаты, обмотавшись на манер римской тоги большим махровым полотенцем. Вода смыла дневную усталость, грязь и пот, а заодно и сгладила все те события, которые взбудоражили мое не в меру развитое воображение. В милицию я звонить не стал, в прокуратуру, разумеется, тоже. Последние были не профильными и подобными вещами не занимались, а для первых попросту не было аргументов.

Ну что я им скажу? Что какой-то сумасшедший на дорогом внедорожнике решил поиграть в погоню, а потом разбился к чертовой бабушке, влетев в бетонную стену? В лучшем случае обо мне подумают невесть что, в худшем – привлекут за то, что покинул место дорожно-транспортного происшествия, не оказав помощь людям. Интересно, что с ни-

ми стало? Небось, разбились вмиг, даже не поняв, что произошло. Судя по скорости, на которой субурбан ушел в бетон, по-другому и быть не могло. Кто бы вы ни были, парни, ну или девушки, я себя виновным не чувствую.

Облачившись в светлые джинсы и футболку с забавным принтом и вполне удовлетворившись своим внешним видом, я решил более не медлить. Закинул на плечо сумку с ноутбуком и собрался выходить, как вдруг телефон вновь подал признаки жизни. Что ни говори, а популярным я был сегодня как никогда. Бывают такие моменты, когда сидишь в одиночестве дома, раз за разом крутишь один и тот же уже порядком опостылевший фильм или бесцельно щелкаешь пультом от телевизора, надеясь в чередке рекламы и мыльной халтуры зацепиться за что-то маломальски стоящее, а телефон молчит, будто партизан. Впрочем, стоит только заняться чем-то нужным, увлекательным и полезным, как кто-то на том конце провода обязательно выдаст будничное «как дела».

Номер на этот раз был абсолютно незнакомым, о чем ярко свидетельствовала мелодия, противно попискивающая из динамика. Все свои контакты я, естественно, комплектовал в группы, прилежно присваивая им узнаваемые рингтоны, что иногда давало мне возможность просто не поднимать трубку, игнорируя ту или иную навязчивую или неприятную особу. Некоторых самородков я даже блокировал, а для желанных звонков наоборот выставлял что-то хитовое, что ни с чем не перепутаешь. Тут же была простая телефон-

ная трель.

Разговаривать, плечом придерживая мобильник, одновременно шнуруя кроссовки и стараясь, чтобы сумка с дорогостоящей игрушкой не рухнула на пол, было крайне затруднительно, так что разговор получился скомканный.

– Але, – недовольно произнес я.

– Здравствуйте, Дмитрий, – раздался из трубки грудной бархатистый женский голос. – Я звоню вам по важному и не терпящему отлагательств вопросу. Я Кристина, секретарь Семена Петровича.

Семен Петрович Подольских был нашим самым главным начальником. Человек старой закалки, начинавший свой бизнес еще до прихода девяностых, прошедший огонь, воду и медные трубы, а заодно с ними и всевозможные ракетирские наезды, внеплановые проверки налоговой и пожарной в компании с КУГИ, являлся своего рода эталоном российского бизнесмена. Кроме нашей скромной конторы по перепродаже тех же лампочек, Подольских имел пакет акций судостроительной верфи, с десятков автосалонов и туристическую фирму, прилежно снабжающую всех особо отличившихся сотрудников путевками в третьесортные турецкие отели. Народ радовался и ехал, не требуя особых повышений и переиндексации заработной платы, происходившей последний раз еще при царе Горохе. И овцы целы, и волки сыты.

– Внимательно вас слушаю, Кристина, – вздохнул я.

– Дмитрий, сегодня в восемь вы получили посылку от наших европейских партнеров. Поручение было дано не вам, и человек, не оправдавший столь высокого доверия, будет примерно наказан.

– Приплыл команданте, – довольно хмыкнул я.

– Кто-кто? – вновь полилось патокой на мои несчастные уши.

– Это я не вам, – быстро пояснил я, осознав, что последнюю фразу произнес вслух. – Что же вы от меня хотите?

– Посылку. Груз требуется срочно доставить по назначению. Вы только не волнуйтесь, через пять минут около вашего дома остановится машина, черный седан, она доставит вас с посылкой к господину Подольских.

Плюнуть, что ли, на все и послать всех по известному адресу? – всплыло у меня в мозгу. Транспарантом всплыло, на красном кумаче метровыми белыми буквами.

– Дмитрий, так вы готовы?

Ну что мне оставалось делать.

– Да, конечно, – вяло промямлил я в трубку.

– Замечательно, – возликовала Кристина на том конце провода. – Тогда записывайте номера.

– Ты только не проклинай меня шибко, – как можно веселее сообщил я Славику, спускаясь по лестнице.

– Дай угадаю, – предложил мой старый армейский приятель. – Задерживаешься? Дела? Когда хоть ждать тебя?

– Скоро, – уверенно кивнул я. – В последние несколько часов я, по странному стечению обстоятельств, перестал быть хозяином своего времени. То одно, то другое. Гонки эти еще по КАДу.

– Ты еще и в гонках поучаствовать успел? – хохотнула телефонная трубка. – Какое место? Где приз?

– Не ерничай, – отмахнулся я, преодолевая последний лестничный марш и толкая дверь на улицу. – На самом деле в том, что со мной произошло, нет ничего смешного.

– Куда хоть тебя в этот раз тебя несет?

– К шефу.

– Пошли его на три буквы. У тебя же рабочий день сто лет в обед как закончился.

– Ты не понял, – улыбнулся я. – Этот шеф самый верхний. Босс всех боссов. Владелец заводов, газет, пароходов...

– Сам Подольских? – ахнул Славик. – Ну, тебе поперло, брат. Это что же такого надо натворить, чтобы тебя человек, уверенно держащийся в десятке «Форбс» по России, вызывал к себе на ночь глядя?

– Да вроде все нормально, – пожал я плечами. – Ладно, отбой.

Черный представительский седан, тихо прошуршав широкими колесами, остановился прямо напротив меня. Я мельком взглянул на номерную табличку на переднем бампере, сверяясь с цифрами на бумажке. Все сходилось.

Задняя дверь приоткрылась, и на меня уставился непри-

ятного вида толстяк в сером, слишком теплом для сегодняшней погоды костюме.

– Сбирский Дмитрий Сергеевич?

– Он самый, – кивнул я, ощупывая выпуклость на сумке.

– Вас ждут, садитесь.

– Это надолго? – попытался выяснить я, но ни упитанный в шерстяном костюметройке, ни молчаливый водитель, отгороженный от нас толстым пуленепробиваемым стеклом, не потрудились объяснить. Путь наш, сначала пролежавший по городу, постепенно смещался из центра, и уже через полчаса автомобиль, выбравшись из каменных, нагретых за день джунглей, уверенно понесся по асфальтовой ленте, выхватывая светом фар из темноты двойную сплошную.

Ехали молча, минут тридцать, не меньше, что позволило мне пофантазировать по поводу своей дальнейшей судьбы в целом и в компании в частности. Кристина, секретарь САМОГО, имя это, кстати, мне ни о чем не говорило, вела себя весьма приветливо и даже намекнула на то, что хоть я и впутался не в свое дело, но сделал вроде бы все правильно, и теперь мне самому предстояла почетная обязанность вручить посылку боссу. Увольнение мне точно не грозило, но смущала сама поездка. Ночью, в лес, гадость какая. Спасибо хоть не в багажнике, а вполне комфортным способом, на широком кожаном диване. Если бы не мои планы на выходные и полупьяный голос Славика, который начал употреблять горячительное, так и не дождавшись товарища, то можно бы-

ло расслабиться и получать удовольствие от внезапной загородной прогулки.

– Можно закурить? – робко поинтересовался я у второго пассажира.

Толстяк снисходительно кивнул, вдавив какуюто кнопку. Послушный механизм резко опустил стекло вниз, позволив ворваться в салон теплему летнему ветру. Нет, пока все положительно хорошо. Сосны, песок, пряный лесной воздух, заставляющий городского жителя, такого, как я, щуриться от удовольствия, втягивая ноздрями аромат хвои и смолы. Когда-нибудь, когда я подкоплю денег и выйду на пенсию, обязательно куплю себе домик вот в таком месте, что проносится сейчас за окном. Проведу туда газ, электричество, подключу Интернет и за чашкой кофе в бессонные летние ночи буду писать мемуары или хотя бы кроссворды разгадывать.

Автомобиль, наконец, замедлился и вильнул влево, увозя нашу троицу от шоссе. Асфальт сменился хорошо укатанной грунтовкой, и вместо мачт городского освещения, которые давали хоть какоето представление о том, где мы находимся, по бокам проселочной дороги сплошным частоколом устремились в ночное небо зеленые сосновые гиганты. Нет, красота, а не район. Озеро почти наверняка где-то рядом, или река. Близкое соседство воды угадывается в ветре, в колышущихся верхушках деревьев и, конечно, в обилии мошкары. Докурив, я под ехидный взгляд толстяка поспешил закрыть стекло.

– Приятное место, – вновь подал я голос. – Нам еще далеко?

– Нет, – наконец смилостивился «костюм», – минут десять, не больше. Да вы не волнуйтесь, чай, не на казнь едете.

– Смею надеяться, – поспешил согласиться я. Ситуация одновременно расслабляла и напрягала. Расслабляла ввиду царящего вокруг релакса, а напрягала предстоящей аудиторией с сильным мира сего, человеком, управляющим десятком компаний, чей ежемесячный доход приравнялся к моему пятилетнему, а то и больше.

– Вот, кстати, мы уже почти приехали.

Действительно, по правую сторону потянулся высокий каменный забор, обвитый по верху колючей проволокой. Хороший такой, добротный, метра четыре в высоту. Через такой не перепрыгнешь, даже если очень сильно захочется. Через несколько минут показались и стальные ворота, по-видимому, автоматические, так как при приближении нашего экипажа они тут же начали расходиться в стороны, убирая створки внутрь. Обстановку за забором описывать не буду. Отмечу только одно. Дачу самого настоящего постсоветского олигарха представлял себе именно так, хотя и видел впервые. С десятков внедорожников всевозможных мастей, хмурые лица охранников, надо же, с автоматическим оружием, лай собак по периметру. Больше похоже на военную базу, чем на загородный дом. Впрочем, что это я. Господину Подольских с его капиталом явно есть чего опасаться. Ин-

тересно, у него дети есть? Эдакая разбалованная и не в меру наглая золотая молодежь?

Автомобиль, наконец-то достигнув места назначения, остановился около центрального входа одного из зданий красного кирпича, и водитель заглушил двигатель.

– Пойдемте, – кивнул толстяк, распахивая дверцу и не без труда выбираясь наружу. – Дело важное и не терпит отлагательств. Посылку, надеюсь, не забыли?

– Конечно нет, – кивнул я, еще раз ощупывая выпирающую коробочку. – Все в целости и сохранности, даже упаковка не снята.

«Костюм» одобрительно кивнул и, призывно махнув рукой, посеменил к приоткрытым дверям летней гостиной – частью застекленной, частью открытой террасы с широкой тахтой и несколькими шезлонгами на дощатом полу. Путь наш сначала пролегал по самой террасе, потом по лестнице, ведущей наверх, и, наконец, мы оказались в добротной, но совершенно обычной комнате с круглым столом и дюжиной стульев, расставленных по кругу.

– Садитесь, – кивнул провожатый и скрылся за ширмой, – и располагайтесь поудобнее, Дмитрий Сергеевич. Семен Петрович вскоре будет.

Последние слова толстяка доносились уже из-за захлопывающейся за ним двери и потому показались гулкими и отвлеченными.

Окинув гостиную взглядом, я в очередной раз за этот ве-

чер пожал плечами и, усевшись на первый подвернувшийся стул, поискал пепельницу. В некоторые сомнительные и неприятные жизненные моменты меня всегда настигает давняя вредная привычка, но, сколько ни борюсь с ней, успех пока что на стороне никотина. Пепельницы не обнаружилось, как, впрочем, и остальных признаков того, что в помещении курили. Ни табачного запаха, ни пепла, вездесущего и непоколебимого, ни, в конце концов, камина, куда можно стряхивать выгоревший табак из трубки. Неужели трезвый образ жизни? Не поверю, даже не уговаривайте.

Стремительно появившийся из-за ширмы высокий сухопарый старик с гривой седых волос заставил подпрыгнуть на стуле от неожиданности.

– Сидите, – отмахнулся Подольских. – Давайте без церемоний. Времени у нас, к сожалению, крайне мало, и потому оно очень дорого. Вы привезли посылку?

Я кивнул и, выудив из кармана коробочку, протянул её хозяину дома.

– Отлично. – Цепкие тонкие пальцы старика, словно лапки ядовитого паука, вцепились в целлофан, разорвали его, вытащили на белый свет стопку пластиковых карт с приятным растительным орнаментом. Единственное, что я успел подметить, язык, на котором были сделаны надписи, был явно не русским.

– Вы знаете, мой друг, что перед вами? – поинтересовался Подольских, будто фокусник, вертя одну из пластиковых

карт между пальцами. – Не трудитесь предполагать, все равно не догадаетесь. Вопрос, прозвучавший ранее, скорее риторический. Это лицензии, тридцать универсальных негоциантских лицензий на предъявителя. Очень дорого, крайне хлопотно и безмерно желанно. Для кого-то, как для вашего бывшего шефа, это, несомненно, головная боль, а для кого-то вроде вас пропуск в другую, лучшую жизнь.

Выдав столь высокопарную фразу, старик откинулся на спинку стула, с удовольствием наблюдая за моей реакцией. Не спорю, я был несколько удивлен, и даже не тому, что Семен Петрович назвал моего шефа бывшим. Удивило другое, недоумение вызвал сам вид торговых или, как выразился старик – «негоциантских» лицензий на предъявителя. То, что их не принято исполнять в пластике, это и дураку ясно. Лицензия скорее похожа на диплом, сертификат, но отнюдь не на кредитку.

– Я просмотрел ваше личное дело, – кивнул старик, вволю налюбовавшись моим замешательством. – Отмечу, попались вы мне на глаза абсолютно случайно, и я не был разочарован. Вы – отличный, я бы даже сказал перспективный торговый агент, чьи показатели с каждым годом становятся все лучше и лучше. Более того, вы относительно молоды, коммуникабельны и, что немаловажно, имеете в прошлом хорошую армейскую подготовку. Хочу предложить вам должность старшего торгового представителя на вновь открывшихся рынках сбыта. Работа увлекательная, возможно, несколько тре-

возможная и местами опасная, но все ваши услуги будут очень хорошо оплачиваться, это помимо карьерного роста. Сейчас данное направление ведет моя дочь и доверенное лицо Клара, но проект настолько многообещающий, что помощь ей не помешает.

Я замялся. Согласитесь, фантастическое и очень неожиданное предложение. С одной стороны, это, как уже заметил старик, потрясающая возможность одним махом подняться к самой вершине карьерной лестницы. Я работаю торговым представителем достаточно давно, чтобы уяснить для себя, что те, кто стоит на ступеньку выше, держатся за свои посты чуть ли не зубами, и чтобы преодолеть барьер, нужно либо отхватить сделку века, либо быть в фаворе у высокого начальства. Шагнуть в один миг от простого менеджера по продажам до старшего торгового представителя, это не каждому дано. Своего рода шанс на миллион.

– Можно несколько вопросов? – осторожно, чтобы не спугнуть удачу, поинтересовался я.

– Конечно, мой друг, – одобрительно кивнул Семен Петрович. – Я дам вам любую информацию, которую способен открыть. С подписанием контракта вас, разумеется, полностью введут в курс дела и растолкуют все узкие моменты, но если в общих чертах, я к вашим услугам.

– Первое и основное, – кивнул я. – Почему именно я был удостоен такой чести?

– Это легко объяснить, – снисходительно улыбнулся мой

собеседник. – Во-первых, вы человек с коммерческой жилкой. Ваши показатели недурны. Более того, специфика вашей будущей работы такова, что иногда придется и в морду сунуть, и оружием припугнуть.

Увидев в моих глазах ужас, старик звонко, по-молодецки расхохотался.

– Не бойтесь, мой юный друг. В том, что я предлагаю, нет ни капли криминала. Те меры физического воздействия, что были упомянуты, скорее превентивные, и представляют собой совокупность успеха и менталитета тех, с кем вам придется вести торговые дела. Сложный там народ, суровый, но рынок пока настолько не оброс всевозможной шелухой, что многие бы отдали полжизни, чтобы стать обладателями этих карточек.

– Кстати, о карточках, – поморщился я. – За мной устроили погоню, и после ваших слов склонен предположить, что именно из-за них. Слежка шла от аэропорта, и если бы не авария, произошедшая с преследователями, опасаясь, что не разговаривали бы мы с вами в этой уютной гостиной, вдыхая чудесный хвойный воздух.

– Поподробнее, – вмиг стал серьезным мой собеседник, и я, как можно более полно, и, пытаясь не упустить важных, по моему мнению, мелочей, рассказал старику о вечерней гонке по кольцевой дороге.

В процессе моего монолога лицо Подольских то хмурилось, то наоборот расплывалось в улыбке, а однажды, когда

мой рассказ дошел до хитрого маневра на въезде, он даже одобрительно захлопал в ладоши.

– Что я вам могу сказать, молодой человек? – наконец кивнул он. – Все, что произошло с вами, еще раз подтверждает правильность моего выбора. Кто это был, сказать затрудняюсь. Очевидно, конкуренты, решившие нагора завладеть столь лакомым кусочком, но то, как вы блестяще ушли от погони, не поддались на провокацию, хотя имели полное право помахать кулаками, говорит только в вашу пользу. Также в пользу вашей кандидатуры говорят еще несколько неоспоримых фактов. Человек вы честный, ответственный. Если в вашей работе случалась неприятность, или вы терпели поражение, то не сваливали неудачу на другого. Вторым немаловажным аспектом является то, что в нашем городе вас ничто не держит. Недвижимость разве, но тут дело не в ней. Я имею в виду семью, детей, любимую женщину. Это, кстати, нормально, и в нашей среде весьма распространенная штука. Сам я женился только в сорок пять. Вы же, по сравнению со мной, более видный жених, и найдете себе теплое местечко везде, где пожелаете.

– Вы мне льстите, босс, – смущенно отмахнулся я. То, что сам мультимиллионер Подольских отнес мою скромную персону к части сердцеядов и дамских угодников, не могло не льстить. Тут другое было, свое. Действительно, обнаруженная во мне коммерческая жилка пульсировала с каждой минутой все отчетливее, заставляя зубами выгрызать кон-

тракты и с дымом из ушей выторговывать себе выгодные предложения, стояли ли передо мной женщина или мужчина, но когда доходило до амурных приключений, все сразу валилось из рук. Я краснел, потел, путал слова и вообще выглядел идиотом, способным вызвать разве что смех, уж куда там желание.

– Нет такой привычки, – хмыкнул Подольских. – Ну, так что, Дмитрий? Предложение, которое я делаю вам, встречается на жизненном пути один раз в жизни. Не упустите. Заботу о вашей недвижимости возьмет на себя контора. Предстоит командировка не на день и не на неделю. Вы сильны и полны энтузиазма, легки на подъем и способны договориться со своим оппонентом, и это главное.

– Сфера интересов? – забросил я удочку.

– Обширнейшая! – Старик встал и принялся расхаживать по комнате, скрестив руки на груди. – Начиная с туалетной бумаги и заканчивая алмазами. Самыми настоящими, я бы сказал. Единственное, что мы не продаем – это оружие и наркотики. В остальном – непаханое поле. Чем больше направлений торговли вы откроете для нашего представительства, тем лучше для всех.

– Штат?

– Небольшой. Кроме моей дочери там еще три человека. Местный врач, повар и охранник, или человек, следящий за тем, чтобы из конторы ничего не умыкнули. Направление секретное, и нам, перед тем как анонсировать его, сле-

дует закрепиться посерьезней. Обрасти связями, возможностями, да и вообще примелькаться перед светлыми очами тамошних властей. Естественно, действовать нахрапом мы не можем, да и конкуренты, сами понимаете, поджимают. Та же самая торговая виза – крайне оригинальный и необычный документ. Каждая из таких вот карточек действует ровно тридцать дней с момента регистрации в ратуше. По истечении срока надо либо выметаться вон, либо регистрировать новую. По стечению обстоятельств, таких вот лицензий на предъявителя я смог достать порядка тридцати, а это как-никак почти три года законной торговли. Лицензии эти следует хранить как зеницу ока, ведь их потеря грозит нам полным крахом и выдворением с рынка. Единственный способ обойти тридцатидневный лимит – это стать официальным поставщиком двора. Забыл упомянуть, там, куда вы направляетесь, монархия, а следовательно, двор и куча наследников, ведущих грязную интриганскую борьбу, так что не стоит зевать. По поводу оплаты тоже не сомневайтесь. Перед отбытием по месту службы на ваше имя будет открыт счет, на который каждый месяц будет поступать сумма равная ста тысячам долларов США. Это своего рода компенсация за риск. По истечении годового контракта мы либо продлеваем его и предлагаем вам на выбор ставку или процент с продаж, либо тихо и мирно расстаемся. До истечения срока контракта вы не имеете права покидать торговое представительство, работать на других или распространять информацию, спо-

собную навредить торговым делам. Все просто и обычно. Годовой контракт, оплаченное жильё, стол, приличный куш и море возможностей. Ну так что? По рукам?

– Да, – кивнул я. – Действительно, предложение, от которого невозможно отказаться. Все-таки не понимаю, где же здесь подвох?

– Подвоха нет, – покачал головой старик. – Единственные сложности, которые могут возникнуть у вас поначалу, так это общение с теми, кто родился не в этом мире.

– Иностранцы? – не понял я.

– Не в этом мире! – вновь подчеркнул старик. Черты его лица стали будто жестче, взгляд более цепким, спина выпрямилась, придавая её владельцу воинственный, почти царственный вид. – Вы первый человек на Земле, которому выпала честь быть главой «Негоциантского дома Подольских», в другом, отличном от нашего мире.

От Подольских я уезжал в некотором смятении. Параллельный мир, это надо же. Старик, видимо, сбрендил на старости лет, раз заговорил о чем-то подобном, впрочем, смущали вся та серьезность и немалый гонорар, что светил мне в случае подписания контракта. Шутка ли, больше миллиона зеленых. Так и хотелось поднять руки вверх и сказать:

– Стоп. Показывайте скрытую камеру.

– Документы подпишем в понедельник, – кивнул старик, стоя на крыльце. – Отправление же назначим на среду. Ве-

щей с собой берите не много, в основном теплые, и крепкую обувь. Из личного могу порекомендовать вам взять ноутбук, но с электричеством там туго. Динамомашина есть, но беда с топливом, заставляет местных инженеров скрипеть мозгами, пока, впрочем, безрезультатно, так что для особо неотложных нужд приходится крутить её вручную. С удовлетворением ваших пагубных пристрастий там все в порядке, табак в наличии, а некоторые сорта алкоголя я бы вам настоятельно порекомендовал попробовать. Это нечто, доложу я вам. Праздник для рецепторов и туман для мозга. Отвлечься, но не увлекаться, вот что тут главное.

– Я могу себе позволить включить в штат технического специалиста? – поинтересовался я. – Как я понял из вашего рассказа, его там нет в принципе, а то, что он может понадобиться, я почти уверен.

– Можете, – кивнул мой собеседник. – Более того, я предусмотрел это, и ваш приятель включен в штат. Речь ведь идет о Вячеславе Зимине?

– Да, – несколько смутился я, поразившись осведомленности старика.

– Введите его в курс дела, озвучьте ставку. Она, кстати, равна пятидесяти процентам вашей, но сразу не пугайте. Не исключено, что ум вашего друга не столь гибок, как ваш, и мое предложение сможет вызвать непонимание и отторжение, но держать его за завесой неведения я бы тоже не рекомендовал. Пригодится нам и его военная подготовка.

До Славика я добрался ближе к часу ночи. Тот же шофер, что возил меня на свидание с фортуной, лихо домчал до ближайшего гипермаркета, где я, помня крутой нрав друга, прикупил упаковку добротного светлого, и отвез меня по указанному адресу. Всю дорогу я думал о фантастическом предложении и, чем быстрее сокращался путь между мной и квартирой моего приятеля, тем больше росла неуверенность и подозрительность. Решив не гадать понапрасну, я в обнимку с ящиком пива поднялся по темной, плохо освещенной лестнице и надавил кнопку звонка.

– Рассказывай, – вздохнул Славик, принимая из моих рук запаянную в пластик упаковку с банками и кивком указывая на притаившиеся в коридоре тапки.

– Что рассказывать? – поинтересовался я, сбрасывая обувь и наслаждаясь ощущениями. Туфли, хоть и дорогие, хорошего качества и купленные по ноге, к концу дня из удобной элегантной обуви превращались в средневековые пыточные колодки.

– Как до такой жизни дошел, – хмыкнул он, вспарывая пальцем тугой пластик, и вскоре, устроившись в мягком кресле напротив монитора, я в красках пустился в повествование о прошедшем и столь нетривиальном дне.

– Бред, – поморщился мой слушатель. – Старик явно выжил из ума, раз позволяет себе фантазии подобного толка.

– Да ладно, – отмахнулся я. – С этим можно пока повре-

менить. Другое удивляет. Почему именно я? Деньги немалые, ответственности еще больше, да и должность, будто годоводный подарок.

– С этим, старик, все более или менее просто. – Залпом осушив банку, Зимин потянулся за следующей. – Выбрал он тебя именно потому, что это конкретно ТЫ.

– То есть? – Я последовал примеру Славика, щелкнув жестяным кольцом. – Я особенный, что ли?

– В некоторой степени да, – довольно кивнул мой приятель. – Ты не то чтобы особенный, а просто самый настоящий. Связями не обзавелся, сомнительных контактов с конкурентами не имеешь, да и звезд с неба не хватаешь, раз до сегодняшнего дня не сумел обратить на себя их пристального внимания. Они же в торговле, как человек человеку волк, не меньше. За лишний рубль глотку готовы перегрызть, а если человек такой найдется, что может им этот рубль нарисовать, так за уши его – и к себе, деньги посулив или еще какие блага. Более чем уверен, что служба безопасности этого чудака, прежде чем добро дать, серьезно твою корзину с исподним перекопала. Да ты не обижайся, правду я говорю. Кто, спрашивается, кроме меня, тебе, битюгу, правду матку лепить будет?

– Ты, конечно, – обиженно пробубнил я. – Только и можешь, что приличному человеку пакости по поводу моей посредственности втирать. На себя бы лучше посмотрел!

– А что я? – весело отмахнулся Зимин. – Тоже не гений.

Не дурак, но на этом все мои положительные качества истончаются, да так, что и не разглядишь невооруженным глазом. В общем, мутная это история, да и барыш уж очень крутой. А может быть, твой Подольских просто эксцентричный миллионер? У них это часто случается от передозировки дензнаков. Чудить начинают, поступки выдавать нелогичные. Как бы так не вышло, что встретят тебя с чемоданами, выведут на сцену и скажут: «Сюрприз!» Пошутили, мол, потешили старика, а то что-то скучно ему было.

– Я, между прочим, за тебя тоже слово замолвил. Должность технического специалиста, – скривился я. – Пятьдесят тысяч ежемесячно на твой личный счет в течение года. Это шестьсот тысяч долларов в год, без налогов и прочей дряни.

После этой моей фразы Зимин поступил просто. Он встал со стула и, поставив на стол початую банку пива, снял со шкафа чемодан и принялся собирать вещи.

– Ботинки и свитера? – поинтересовался он, выглядывая из недр шкафа.

– Да, – улыбнулся я. – Ботинки и свитера.

Понедельник встретил меня хмуро и безрадостно. Серое дождливое небо, отвратительный привкус во рту, разламывающаяся на куски голова и полуголый Славик, выдающий пронзительные трели в обнимку с пустой бутылкой из-под коньяка. Я, впрочем, выглядел не лучше. Помятый, небри-

тый и с отеком лицом, я больше походил на распухшего от ботокса Пятачка, чем на преуспевающего торгового менеджера. Как ни стыдно это признавать, но пили два дня подряд. Вспомнить страшно. Схожую алкогольную интоксикацию мое несчастное тело до этого получало всего один раз в этой жизни, в пору армии, в дембельском поезде, везущем меня из части напрямик до родного города. Происходившее там я помнил смутно и фрагментами. Память застил алкогольный туман, но бутылок и здорового молодецкого перегара было оставлено великое множество.

После второго ящика пива беспокойство по поводу того, что все произнесенное Подольских это не более чем зловерная каверза на потеху толпе, несколько притупилось, а потом и вовсе исчезло.

Сейчас, сглатывая слюну и пытаюсь определить, в каком из углов крохотной квартирки Зимина притаилась бутылка с вожденной минеральной водой, я попытался приподняться и тут же со стоном рухнул назад. Как гостеприимный хозяин, Славик выделил мне свою кровать, заснув в кресле. Видимо, решил поиздеваться, собака, так как с кресла, с такой кривой рожей и сильной хворью от алкогольного возлияния, вставать было проще, чем с мягких перин хозяина квартиры. Зловерный храп приятеля придал сил и позволил принять горизонтальное положение.

– Славик, – заскулил я, пытаюсь разбудить мирно дрыхнущего Зимина. – Славик, где у тебя попить?

Зимин перестал храпеть, открыл один глаз и, видимо, решил послать меня подальше. На его лице отразилась целая гамма чувств, и можно было понять, что два начала, хорошее и плохое, активно борются в нем за право первого утреннего ответа. Но, похоже, добрый Зимин взял верх над злым и вредным.

– В холодильнике, – наконец выдал он. – Ты чего в такую рань вскочил?

– Какая рань? – удивился я, поднимаясь, и нетвердым шагом прошествовал в заданном направлении. – Десять уже. Нам с тобой, если пятничный разговор не шутка, следует быть в головном офисе через три часа и подписывать контракт. Но, к слову, не с такими вот помятыми рожами, а бодрыми и готовыми к любым неожиданностям.

Телефон, оставленный мной накануне вечером на подоконнике, отвратительно громко заверещал, провоцируя приступ острой мигрени как минимум у двух живых существ. Пришлось срочно возвращаться и затыкать крикливую шайтан-машину, пытаясь попасть в красную кнопку дрожащим пальцем.

– Дмитрий, – занял телефон голосом моего начальника. – Дмитрий, не губите. Я же и подумать не мог, что у вас дела с Самим. – Последнее слово у него получилось настолько выразительно и благоговейно, что иначе как с большой буквы и не написать.

– Что вы, команданте, – промямлил я, рыская в холо-

дильнике в поисках вожделенной минеральной влаги. – Даже и не думал. Кто же мог подумать, что дело, порученное вам самим господином Подольских, может быть спихнуто на маленького менеджера? Не в обиде я на вас.

– Не губите, Дмитрий, – вновь взвыла трубка. Очевидно, кто-то уже сообщил моему собеседнику, что судьба его в ближайшие десять лет продавать снег эскимосам. – У меня же семья, дети!

– Везет вам, – наконец я вытащил желанный сосуд и, свинтив пробку, с наслаждением присосался к горлышку. – У меня вот ни семьи, ни детей. Одна работа.

– Дмитрий! Прямо ножом по сердцу.

– Ладно, команданте, – вздохнул я. – У меня сегодня с шефом дела в центральном офисе. Может, у него сегодня хорошее настроение, замолвлю за вас словечко. Только вот одна незадача, немного выпил накануне, так что за руль сесть не могу, а на общественном транспорте можно и не успеть. – Это был последний шанс либо подтвердить все происходящее, либо, наконец, изобличить фарс.

– Дмитрий, да я вас подвезу, – залебезил бывший начальник.

– Хорошо, – скроил я рожу обожравшегося сметаной кота, – как вам будет угодно, – и, продиктовав бывшему начальству адрес Славика, нажал на кнопку отбоя.

Манера поведения шефа изменилась, что явно свидетельствовало в пользу правдивости вечернего пятничного разго-

вора. Все вроде бы было хорошо. И бонусы, и должность, но бесплатного сыра в нашем мире никогда не водилось. Где-то тут был подвох, да и безумное заявление о параллельном, или ином мире, в котором мне придется вести дела, заставляло относиться ко всему несколько предвзято.

– Славик, – крикнул я, ставя минералку в холодильник. – Я нам водителя нашел.

Ответом мне было бессвязное бормотание и шум воды из ванной. Зимин, на правах хозяина жилплощади, уже оккупировал душ.

Если не учитывать частое лепетание нашего невольного водителя, всю дорогу мы практически молчали. Дважды по пути останавливались. Первый раз, давая мне возможность попасть в собственную квартиру и переодеться в костюм и свежую сорочку, а второй раз около аптеки. Аспирин нам был жизненно необходим.

– Интересно, – хмыкнул Славик, отправляя в рот сразу две таблетки. – Как там у них с медикаментами?

– Ну живут же люди, – пожал я плечами.

– Живут, – согласился он. – И на космической станции живут, и на полюсе, только не легче от этого.

– Все еще не отказался? – улыбнулся я. Упаковка с болеутоляющим переключивалась в мои руки.

– А чего мне отказываться? – удивился Зимин. – Если шутка это, то черт с ними, а если наоборот чистая правда,

то лишние бабки мне точно не помешают. Пусть даже к черту на рога, только бы платили хорошо и в срок.

Вылезая из машины около здания центрального офиса, я уже в сотый раз пообещал команданте свою посильную помощь в его судьбе. Вот ведь как, привык старик на хребте других дела делать, а тут, видимо, не рассчитал, не проникся, так сказать, всей ситуацией и позорно погорел под конец карьеры. Что это был конец, можно было не сомневаться. На шефа, впрочем, я зла не держал. Ну как можно сердиться на укусившего тебя попугая? Ты ему печеньку, а он тебя клювом. Птица – существо бестолковое, что с нее взять. Да и жалко мне было его, посвоему, конечно, и совсем чуть-чуть.

Узнав о цели нашего визита, девушка на ресепшен поспешно выписала два пропуска и под суровыми взглядами секьюрити проводила к лифту.

– Вам на восьмой этаж, – кивнул она. – Секретарь шефа Кристина встретит вас в холле.

– Ну что, – подмигнул я Славику, заходя в лифт и нажимая нужную кнопку. – Поехали?

– Поехали, Гагарин, – улыбнулся тот. Таблетки явно возымели эффект, ибо из перекошенной физиономии лицо его стало более осмысленным и даже где-то бодрым, и лицом могло называться по праву. – Если все, что происходит вокруг, не более чем хохма, то она сильно затянулась.

Лифт начал двигаться вверх, плавно поднимая меня к од-

ному из вариантов развития сюжета. Наверху были либо карьера и богатство, либо сложности и беды. Ой, как бы не пожалеть, что впрягся во всю эту сомнительную авантюру. В любой момент можно было бы развернуться и, помахав ручкой, отправиться на вольные хлеба. С моим опытом работы и клиентской базой путь мне был открыт во многих направлениях. Но я с упорством в мыслях и жадностью в глазах ждал судьбоносной встречи. Шесть, семь, восемь. Кабина, наконец, замедлилась и остановилась.

Вот уж не мог подумать, что голос, пусть даже и единожды услышанный по телефону, может так разительно отличаться от внешнего вида его обладателя. Я, конечно, знал, что мобильная связь может исказить как тембр, так и информацию, но разбить мое впечатление, разметать в локуты и развеять по ветру, нет, это нечестно, это просто бессовестно.

Встретившую нас Кристину иначе как по имени и отчеству называть было крайне затруднительно. Ухоженная дама преклонных лет в строгом брючном костюме и очках в золоченой оправе на носу была по меньшей мере ровесницей самого Семена Петровича. Только вот одно но: интуиция, предпринимательская жилка, иногда подкидывающая умопомрачительные и авантюрные идеи, а порой останавливающая руку буквально перед подписанием выгодного контракта, заставила насторожиться. Нет, не манера поведения, не вкрадчивый, но жесткий и властный голос, а глаза. Хо-

лодные, выцветшие, колющие в сердце, да нет, прямо в душу, пожалуй. Глаза человека, привыкшего править, властно и бесповоротно верша судьбы других. Такие глаза почти наверняка были у Ивана Грозного, Адольфа Гитлера, Иосифа Джугашвили, Уинстона Черчилля, людей особого сорта, взошедших на трон, занявших пост, выбранных, в конце концов, по праву лидера и сильной руки. В груди тревожно заныло при виде этой старушенции, будто чья-то невидимая стальная клешня сдавила сердце в грудной клетке.

– Здравствуйте. – Слова, прозвучавшие в застывшей, почти звенящей тишине разрушили морок, заставив вновь задышать, почувствовать краски и воспринимать звуки. – Господин Подольских пока еще не освободился, так что вам придется подождать.

– Ничего, – кивнул я, присаживаясь в одно из мягких кресел, находящихся в приемной. – Мы подождем.

– Чай, кофе?

– Кофе, пожалуйста, крепкий, без сахара.

– А вашему другу?

– Другу? – Тут я впервые вспомнил, что за моей спиной в нерешительности топчется Славик. – Другу тоже кофе. – Эка меня накрыло. Сильная бабка. Старик не держит возле себя лузеров и слюнтяев, а это лишний раз доказывает, что мое положение не такое уж и наигранное. Где же подвох, месье? Где подвох?

Славик плюхнулся в кресло, стоящее слева от моего и, до-

ждавшись пока Кристина удалится, очевидно, за кофе, прошептал мне громким заговорщицким шепотом:

– Ужас, Митяй. Ты её видел?

– Видел, – кивнул я. – И что?

– Похолодело все внутри, будто льдом прислонили, – часто закивал мой приятель. – Даже не страх, а трепет какой-то. Правда, как рот раскрыла, сразу отпустило. Сколько ей лет? Нет, ты видел, зубы белые, ровные, все на месте, а волосы?

– Господин Зимин, – покачал я головой. – Вам нужно меньше пить.

– Как и тебе, впрочем, – зло огрызнулся Славик. – Видел я таких, и если бы знал, с кем дело придется иметь, ни за какие бы коврижки не вписался. Если твой миллиардер того же сорта, то я пас.

– Тю, – я с осуждением покачал головой. – Они такие, потому что жизнь их такими слепила. По-другому бы на части порвали, на лоскуты. Ну как, по-твоему, заработать многомиллионное состояние, взлететь вверх по карьерной лестнице и при этом не пройтись по головам. Тут уж приходится выбирать между капиталом и душой. Они выбрали первое. Смотри. – Я кивнул на стальную пластину на столе старухи. – На ней написано «помощник генерального директора». Заметь, помощник, не секретарь и даже не ассистент.

– Идет, – вдруг зашипел Славик, услышав частый стук каблучков. – Замолкни, Митяй, а то еще в лягушку превратит.

На кой мне шестьсот тысяч, когда я жабой буду?

– Жаба и лягушка – это разные вещи, – хохотнул я. – Да не дрейфь ты, Зимин, все по плану. Стадию розыгрыша, выскакивания из торта в бикини или просто фейерверка мы уже прошли. Теперь настает пора самого вкусного.

Вкусно было. Кофе, действительно недурственный, благоухающий и крепкий, проникая в организм, чистил мысли, учащая сердечный ритм. Пробегая ароматной, обжигающей волной по горлу, напиток разгонял застывшую кровь, выгоняя похмелье и хворь, так немилосердно терзавшие наши организмы последние несколько часов.

Я боязливо покосился на полупустую кружку. Поистине чудодейственный эффект, а какова скорость действия, уму непостижимо.

– Отменный кофе, – поделился Славик. – Никогда такого не пил.

– О да, – откликнулась Кристина. – Кофе действительно замечательный. Из личных запасов патрона для дорогих гостей и важных деловых партнеров.

– А интересно, уважаемая Кристина... – Тут я замялся, ибо воспитание не позволяло называть женщину столь преклонных лет просто по имени.

– Эдуардовна, – благосклонно подсказала та.

– А интересно, Кристина Эдуардовна, – вновь начал я. – Кем являемся мы? Дорогими гостями или деловыми партне-

рами?

– Вам интересно мнение секретарши? – с наигранным удивлением поинтересовалась старуха.

– Вы принижаете свои достоинства и таланты, – включился я в игру. – Человек, занимающий подобный пост и находящийся на самом верху социальной лестницы, никак не может подпадать под столь узкий термин.

– Вы не так просты, Дмитрий, – благосклонно кивнула она.

Это хорошо. Одно очко в мою копилку. Жалует царь, да не жалует псарь. От этой старой истины хорошо бы побережся, если уж не сподобился обрасти полезными знакомствами. Это никогда не поздно начать.

– Мое мнение – вы не то и не другое. Хотелось бы сказать, что середина, но и это утверждение будет не верно.

– Кристина, я освободился, проводи господ, – вдруг выдал интерком на столе.

– Семен Петрович вас ждет, – оборвав фразу на полуслове, кивнула старуха. – Прошу вас. Прямо и направо.

Подольских встретил нас за большим столом из черного дерева. Кабинет старика был обставлен несколько поспартански. Я говорю поспартански, так как при наличии нулей в чековой книжке нашего прямого нанимателя в интерьер кабинета с легкостью бы вписался шлем конкистадора или сфинкс, самый настоящий, Каирский, а тут глобус с напитками – банальность, два кресла и бесконечные ря-

ды книжных полок. Больше похоже на кабинет бизнесмена средней руки, чем управляющего огромной корпорацией. Почему огромной? А как же иначе. Я уже называл те виды деятельности, где Семен Петрович выступал в качестве учредителя, члена совета директоров или другого публичного лица, и их было множество. В тень попали различные фонды, офшорные фирмы и десятки других предприятий, где чувствовалась его крепкая лапа, но сама личность миллиардера напоказ не выставлялась. Аудиенция у Подольских могла приравняться к посещению президента или премьера, да и то с большой натяжкой. Этот человек правил, нет, он умел править, и получалось у него это весьма и весьма неплохо.

Личность самого Семена Петровича настолько же уникальна, как и обыденна. Подольских никогда не выигрывал в рулетку, не получал состояние от богатого импортного дядюшки, на старости лет возжелавшего найти своего племянника в далекой России. Все деньги пришли в его крючкова-тые, сведенные ревматизмом пальцы только благодаря самому Подольских, ни на секунду не сомневавшегося ни в своих способностях, ни в возможностях.

Еще в те далекие годы, когда о многопартийности на просторах великого и могучего Союза можно было даже не заикаться, молодой Семен Подольских, выпускник Горного института по безумно занимавшей его специальности геолога, отправился в свою первую экспедицию на озеро Байкал.

Что уж он там искал, или что мог найти, сказать было крайне сложно. Финансирование было скудным, а результаты еще скуднее, но по возвращению в Ленинград он каким-то чудом нашел инвесторов – подобный термин в те времена был еще не в ходу, – заложив в бюджет экспедиции фантастическую по тем временам сумму в триста тысяч рублей, и вновь укатил, теперь уже на полгода.

Вернулся Подольских с озера абсолютно другим человеком, да и происшествия, последовавшие за этим, не вписывались ни в одни разумные рамки. Один за другим начали исчезать люди. Кто-то попадал под трамвай, кто-то умудрялся отравиться котлетой в закусочной, а кого-то просто закалывала шпана, поимев из кошелька научного работника мятую десятку. Все жертвы – двенадцать членов экспедиции, чей жизненный путь стремительно и странно оборвался. Единственным оставшимся в живых участником исследований на Байкале являлся Семен Петрович.

Далее дела приняли еще более стремительный оборот. Подольских стал предпринимателем. Точнее, не так. Семен Петрович, пользуясь своей чистой репутацией и партийными инициативами, смог выехать за рубеж, в Канаду, на какой-то геологический конгресс, и сразу же по прилету в Оттаву попросил политического убежища. Именно в тот момент из жизни был вычеркнут ученый Подольских и на его место торжественно взошел Подольских бизнесмен. Человек с золотым чутьем – называли его партнеры, когда он раз

за разом выдавал идеи, генерировал всевозможные авантюры и находил рынки сбыта там, где их попросту не могло существовать. Начался его стремительный карьерный рост, и инвесторы, гурьбой ломившиеся к нему на прием, трясли деньгами, видя, как ползут вверх котировки акций его маленькой компании.

Семен Петрович никогда не преступал букву закона, по крайней мере, видимую её часть. Он прилежно платил налоги, скрупулезно декларировал все свои доходы и был чист перед всеми, за исключением разве что себя и своего верного секретаря Кристины, которая, так же, как кумир её молодости, закончила профильный вуз, и вслед за ним эмигрировала в Канаду. Сама же Кристина, знавшая много и способная свалить своего дражайшего патрона одной газетной публикацией, хранила ему собачью верность и была неподкупной и прямолинейной до невозможности.

Единственную особенность, которую отмечали все аналитики, конкуренты и просто газетные писаки, это нелепость и таинственность деятельности Подольских. Да, он прилежно платил налоги, входя в десятку самых крупных налогоплательщиков. За такого любая страна мира способна была придушить, но он был до конца верен своей новой родине, и лишь последние двадцать лет, дождавшись пока строй, существующий в России, будет устраивать и его, и компанию, перенес свою штаб-квартиру в град на Неве. Странность в деятельности Семена Петровича заключалась в том,

что брался он продать или купить все что угодно, от носков до линейного крейсера, и неизменная прибыль производителя превышала сто процентов, но вот кому уходил товар, выяснить было невозможно. Десятки, нет, сотни частных сыскных агентств буквально рыли носом землю, но в один момент заходили в тупик. Тысячи журналистских расследований разбивались на мелкие куски, так и не найдя хоть какихто вразумительных фактов. А империя Подольских, крепчавшая и обрастающая мускулами день ото дня, стояла, как утес в океане, о чьи острые края разбивались волны любопытства, оставляя лишь брызги разочарования и горделивое молчание неприступности.

Подчиненные, точнее та их часть, что была приближена к верхам и была в курсе торговых дел, могла подписывать контракты и вести деловые переговоры, тщательно отбирались и одобрялись самим бизнесменом. Ни протекции, ни блата или просьбы старинного друга, ничего такого у Подольских и быть не могло. Только лучшие, только те, на чьем резюме он поставит подпись собственноручно. Для других прозрачный внутренний и внешний рынок, а то, что приносит основной доход корпорации, только для элиты.

– Садитесь, господа, – кивнул старик, указывая сухой, испещренной пигментными пятнами рукой на два кожаных кресла с высокими выгнутыми спинками. – Настало время разговора.

Мы уселись в предложенные кресла.

– Прежде чем мы начнем разговор, господа, – улыбнулся Подольских, – вам придется подписать документы о неразглашении. Вот они, на столе. Простите меня, старика, за то, что не встал при вашем появлении, проклятый ревматизм, одолевающий меня последние десять лет, опять не дает покоя.

«Странно, – мелькнуло у меня в мозгу, – в ночь с пятницы на субботу был бодр и свеж, а сейчас будто разваливается на куски. Талант, тебе бы на сцене играть, а не за столом в кабинете сидеть».

– Прошу вас, господа, – вновь кивнул Семен Петрович, – письменный прибор рядом.

Мы взяли в руки листки, которые нам предстояло подписать. Славик лишь окинул взглядом и тут же полез за ручкой, но я только цыкнул на своего товарища. Профан, чертов профан. Ну кто же подписывает документы, пусть даже и пустяковые, без детального ознакомления с текстом договора?

– Bravo, мой друг, bravo, – зааплодировал Подольских, глядя на мою реакцию. – Чего-то подобного я от вас и ожидал. Обманывать мне вас незачем, но для спокойствия вашего знакомого, столь небрежно относящегося к договорной части, могу пояснить все, что отражено в документе сухим официальным языком, а именно: все, что будет произнесено в стенах этого здания и кабинета в частности, должно оставаться тайной. Малейшая попытка разглашения сулит вам

умопомрачительными исками, которые я, уверяю вас, с легкостью выиграю в любом суде, засадив вашу веселую компанию лет на десять, и не факт, что местом вашего заключения будет тюрьма.

– Желтый дом? – хмыкнул я.

– Как вариант, – уверенно кивнул старик. – Прибежище сумасшедших и гениев, непризнанных талантов и неугодных диссидентов, оплот остроты мысли и буйства воспаленного воображения. Ваш путь будет только туда, и другого не дано.

– Семен Петрович, – укоризненно покачал я головой. – Нехорошо начинать деловое партнерство с таких не завуалированных угроз. Не по-деловому это как-то, не по-людски.

– Зато честно, – пожал плечами Подольских. – Предательства я не терплю, но если человек мой, весь, без остатка, всеми своими стремлениями и помыслами, то и награда будет немалой.

Вздыхнув, я потянулся за ручкой и, оставляя свой автограф, чувствовал себя так, будто кровью расписываюсь, не иначе.

– Замечательно, – кивнул Подольских, убедившись, что оба документа подписаны. Цепкие пальцы старика приняли бланки и убрали их в ящик стола. – Теперь по существу. Если у вас есть какие-то вопросы, задавайте, не люблю, когда меня прерывают.

Я взглянул на Славика, но тот лишь пожал плечами. Действуй, мол, брателло, ты в этом деле голова, а я так, за кефи-

ром вышел.

– Вопросы есть, – начал я. В голове действительно роилась тьма накопившихся за эти дни вопросов, на которые я, как ни силился, не находил разумных или логичных ответов. – Почему именно я, господин Подольских?

– Ответ прост, – сморщился старик. – Я так решил. Я детально изучил ваше дело, взвесил все за и против и, сопоставив полученные факты со сложившимися обстоятельствами, остановил выбор на вашей кандидатуре. Сошлемся на мою интуицию и закроем эту тему.

Сказано это было столь резко и безапелляционно, что я счел нужным переключиться на другую тему. Не стоило сомневаться в старике, ой как не стоило. Не любил он этого, и, видимо, на то были свои, не менее веские причины.

– Место действия, а именно расположение, как вы изволили упомянуть, «Негоциантского дома Подольских»? – припомнил я нашу полуночную беседу. – Тогда вы навели много тумана, намекая на что-то потустороннее. Попахивает мистикой, не находите? Мистика в нашем деле вредна, нестабильна она, делу повредит влегкую.

– Торговый бизнес сам по себе является нестабильным, и за константу его принимать сложно, – кивнул Подольских. – Мы зависим от колебаний рынка, войн, открытий, добычи энергоресурсов, вернее, желания добывать эти ресурсы, и еще тысячи мелких причин, вроде бы крошечных песчинок, попавших в хорошо смазанный и отлаженный часо-

вой механизм торговли, но способный разрушить его, похоронив навсегда. Мистики в моем предложении нет ни грамма. Тут в фаворе точные науки. Физика, химия, биология, астрономия, кибернетика. Долгая это история на самом деле.

– А вы расскажите, Семен Петрович, – наконец подал голос молчавший до этого Зимин. – Нам с товарищем было бы небезынтересно послушать.

– Ну что ж, – вздохнул Подольских. – Ваша правда. Кидать вас в пучину неизвестности я тоже морального права не имею, но о некоторых фактах в угоду общего дела все же умолчу. История эта началась без малого полвека назад, когда вас, не побоюсь этого слова, еще и в планах не было. Мы строили коммунизм, ходили строем и пели дифирамбы очередному генеральному секретарю коммунистической партии в частности и самому социализму в целом. В ходу была уравниловка, усредниловка и всеобщая кабала под соусом равенства. От всех по способностям, каждому по потребностям – гласили лозунги тех годов. Да, мы были самой опасной ядерной державой, да, наше образование, на данный момент стремительно деградирующее и разваливающееся на глазах, было одним из лучших, и если совковому специалисту удавалось волей судеб попасть за рубеж, то в большинстве своем даже переквалификация не требовалась. Так, чистая формальность.

Это сейчас вы ходите в джинсах, пьете импортное пойло и сидите в Интернете за просмотром порнофильмов. За все

за это при старом строе можно было загреметь в тюрьму. С легкостью.

В те далекие времена я был молодым и инициативным геологом, придерживающимся политики власти и готовым преумножать величие своей страны. Как это было возможно? Да очень просто. Работай прилежно, и все выйдет. Так я и поступил, так поступали и остальные, знакомые и незнакомые, родные и не очень. Первая моя экспедиция на Байкал была не совсем геологической, скорее с уклоном в этнографию, и призвана была подготовить мой неокрепший организм к дальнейшим тяготам во славу Центрального комитета. Байкал, если вы не знаете, глубочайшее озеро на планете Земля, находящееся в Восточной Сибири. Красивейшие места, умопомрачительные виды, а вода такого качества, которого не достичь ни одним фильтром. Край дикий и прекрасный. Место – мечта. Естественно, приехали мы туда не красотами любоваться, а изучать легенду. Центральной линией байкальского эпоса являлась история о том, что у великого и могучего Байкала была прекрасная дочь Ангара и еще триста тридцать шесть рексыновей. Все они денно и ночью увеличивали могущество своего батюшки, неся к нему свои воды. Но однажды Ангара полюбила Енисея и, стремясь к нему, начала выплескивать воды из Байкала, пытаясь укрепить любимого. Узнал об этом Байкал, разгневался и, бросив в свою дочь огромный кусок скалы, проклял её. Позже камень этот назвали Шаманкамень, а его местонахождение

считается устьем рекидочери.

Легенда красивая, интересная, но вот одна незадача. Строение, а точнее элементы, из которых состоит сам Шаманкамень, на семьдесят процентов не совпадают с теми, что можно было найти в радиусе ста километров от самого озера. Как такое объяснить?

Старик, скрестив руки на груди, победоносно взглянул на нас из-под кустистых бровей.

– Байкал – озеро глубокое, – пожал я плечами. – Возможная тектоническая активность в прошлом, особый рельеф дна. Да мало ли что могло быть причиной появления чудо-камня в тех широтах?

– И нам стало интересно, – кивнул старик. – Собрав образцы, мы ринулись назад, к цивилизации, с целью изыскания средств на дальнейшее, более тщательное изучение феномена. Как уж мы смогли найти деньги, дело десятое, и, к сожалению, сыгравшее печальную роль в судьбах всех членов экспедиции. Отмечу только, что финансирование пришло из-за рубежа, из Канады, куда я впоследствии был вынужден отправиться в эмиграцию, а по сути, бежать из Союза. Виной тому, впрочем, была не столько сама находка, серьезно пошатнувшая наши представления о мироздании, сколько прототип глубоководного аппарата «Мир», чей тестовый образец сыграл немаловажную роль в изысканиях. Данные, полученные в то время, стали основой для создания «Мира-1», разработанного спустя тридцать пять лет. Впро-

чем, и наш образец уже в те времена способен был погружаться на глубину до двух километров и нести в себе экипаж из двух взрослых человек. Из-за просчетов, впрочем, пострадало двое пилотов, но это неизбежная цена, которую приходится платить пытливому уму науке. Знали, на что шли, знали, что может произойти. Исследования эти хранились в строжайшей тайне многие годы, в какомто из министерских сейфов. Сам даюсь диву, как меня, замешанного во все это, умудрились тогда выпустить за рубеж. Но самое любопытное заключалось даже не в конструкции аппарата, технологии которого на тот момент были насколько передовыми, настолько же и фантастическими, а результаты нашего изыскания. На них тогда не обратили внимания, посчитав несущественными. Как вы думаете, что мы там обнаружили?

На этот раз я оставил возможность ответа Зимину. Тот помедлил, замаявшись, и путем невероятного мозгового штурма выдал сгенерированную идею:

– Редкую болезнь? Минерал, не встречающийся на земле? Сильнодействующий наркотик?

– Тише, тише, мой друг, – расхохотался старик, показывая не по возрасту белоснежные зубы. Искусственные, подумалось мне. Почти наверняка. Что у его старухи, что у него. Ну не может у человека столь преклонных лет быть таких замечательных зубов. – Утверждения ваши столь же ошибочны, сколь и верны. Мы нашли тайник. Да, самый обыкновенный тайник. Камень явно инородного происхождения за-

крывал собой вход в подводную пещеру. Не знаю уж, как это случилось, тут просчитать сложно, но виной ли тому сейсмическая активность или другие моменты, но глыба сдвинулась, позволив нам воочию узреть вход. Там, собственно, мы и обнаружили то, что стало причиной благополучия и процветания вашего покорного слуги и еще трех господ. Один из них – Генрих фон Фальц, немецкий аристократ, чья кровь настолько голуба, что смахивает на искусственную. Дела свои он ведет на территории современной Германии и в чужие сферы влияния нос не сует. Живет, так сказать, в собственном вакууме. Второй – это американский китаец Чан Джонсон. Кто не слышал об этом азиатке, тот глух и слеп. Именно он руководит всеми торгами в азиатской части нашего земного шара, и, пожалуй, влиятельнее него найдутся лишь с десятков людей в мире. Мне лично его публичность претит, и я скорее поддерживаю старого Генриха с его замкнутостью и скрытностью, чем публичные выступления Джонса со всеми его напыщенными речами и швырянием денег на псевдо-благотворительность. Третий и последний – это поляк по фамилии Новак. Самая загадочная фигура в этом деле, тайну которого даже мне, человеку с возможностями, раскрыть так и не удалось. Что же может объединять столь разных людей, спросите меня вы. Я отвечу. Все они, помимо основной команды русских специалистов, принимали участие во второй Байкальской экспедиции, и все они до сих пор живы и богаты.

– Но что же вы нашли в этой пещере? – поинтересовался я. – Редкий и могучий артефакт? Источник вечной жизни? Бездонный кошелек?

– Лучше, – улыбнулся Подольских. – Мы нашли врата. Подлинный образчик давно канувшей в Лету цивилизации. Высокотехнологичные, гениальные в своей простоте и функционирующие по сей день. Врата эти не вели в потусторонний мир, населенный мифическими существами. Не могли они нас пустить в ад или рай, так как по сути своей являлись порталом на другую планету. Когдато она, возможно, процветала, была венцом культуры и имела колоссальные достижения в существующих науках, но, как и наша, потеряла свой народ вследствие катастрофы, катаклизма, случившегося многие миллионы лет назад, и начался новый виток развития. Где-то в созвездии Тельца, которое, кстати, насчитывает более ста двадцати видимых звезд, есть планета, находится она от Земли на столь далеком расстоянии, что добраться до нее естественным путем в обозримом будущем невозможно. Населяют ее такие же гуманоиды, как и мы. В своей простоте нравов, грубой искренности, они большие люди, чем многие из нас, но и тут не обходится без казусов. Есть свои интриганы, свои негодяи и мерзавцы и, конечно же, те, кто найдет выгоду в любом положении, будь оно хоть самым плачевным. Уровень технологического развития планеты крайне скуден, а основной материк, где собственно и базируются наши интересы, это лоскутное одея-

ло из баронств, княжеств и графств с монархией во главе, то и дело устраивающих междусобойчики с резней и мордобоем на собственных границах.

Конечно, что перед нами и какие возможности открывает данная находка, мы поняли не сразу. Внешне неприглядные, они выпали из поля зрения безопасников, что сыграло нам добрую службу, а когда наконец подоплека раскрылась, мы поняли, что это тот самый шанс на миллион. Сами врата, именно их назначение, естественно, полностью скрыть не удалось. Многие участники той экспедиции поплатились за эту тайну собственной жизнью. Печально, но факт. Отмечу, впрочем, что к тем смертям я никакого отношения не имею, совесть моя чиста. От кого-то откупились, кого-то припугнули, в общем, мы свою голубую птицу на волю не выпустили, да и распорядились ею посвоему. Мы не предприняли экспансию, не стали разрабатывать ресурсы вновь открытых территорий. Мы начали торговать. Шаг за шагом, день за днем, год за годом мы наращивали свои темпы и наконец вышли на желаемый уровень. Мы вели свои дела честно, регламентировали действия и не скрывали своего происхождения. И это сработало!

Те карточки, Дмитрий, что вы так любезно доставили мне в мою пригородную резиденцию, есть не что иное, как торговые сертификаты, изготовленные в столице одного из крупнейших государств на материке. Мы подсказали конструкцию машины, дали понятие о технологии, но сырье для нее

поставляем сами, так что не в накладе. Повторюсь, каждая карточка – это лицензия на тридцать дней беспошлинной торговли на территории королевства Браминд, с высочайшего соизволения Его Величества Гарина Третьего. Подобного рода документы заслужили только четыре негоциантских дома, и, как вы небеспочвенно подозреваете, все эти дома имеют корни на нашей матушке Земле. Рынок сбыта, который открылся нам, поистине – мечта идиота, ну или сон подростка, которого на ночь закрыли в лавке со сладостями. Мы несем в их мир новинки, получая за них золото, драгоценные камни и ценные породы дерева. Их ценность там несоизмеримо меньше, чем стоимость того товара, что мы пересылаем во врата.

Конечно, есть и свои ограничения. К примеру, существует табу на поставку оружия, наркотических веществ и тех высоких технологий, в которых местное население не способно разобраться. «Волшебные шкатулки» мы поставляем только ко двору, и то лишь в качестве признательности местному правителю. Также имеются существенные ограничения на медикаменты, искусственные материалы, такие как титан или чугун. Ограничений множество, и все они обоснованны. После подписания контракта и отбытия по месту назначения у вас будет время ознакомиться с полнейшим его перечнем. По сути – это торговля бусами. Вы им стекляшки, они вам жемчуг.

Столь долгий монолог дался старику нелегко. Обессилен-

но откинувшись на спинку кресла, он поднес стоящий рядом стакан с водой к губам и поспешил смочить горло.

– Но почему столь значительные события так и не стали достоянием широкой общественности? – удивился я. – Шутка ли, с помощью технологий давно ушедшей цивилизации попасть на другую планету и обнаружить там разумную расу живых существ?

– Вы ошибаетесь, – хмыкнул Подольских. – Таких утечек множество. Крупные серьезные издательства не берутся за публикацию вроде бы очевидной для обычного человека ереси. Другие соглашаются, но их формат многие склонны считать желтым, и потому нет к ним доверия. Одних подкупить, других припугнуть. Одинаково эффективно действует и то и другое. Встречаются, впрочем, упрямы, которых не интересуют деньги и собственная безопасность, но таких, к нашему счастью, немного, и разговор с ними короткий. Да и большинство действующих политиков в доле, так что не то чтобы не мешают нашим делам, а наоборот, всячески содействуют.

– Наша миссия там? – поинтересовался я.

– Продавать, – пожал плечами старик. – Продавать все, что только возможно, и получать от этого выгоду для себя и собственной компании. Чем успешнее ваш бизнес, тем выше ваш доход, а там, глядишь, и до королевской лицензии дойдет. Став официальными поставщиками королевского двора, мы сможем прижать наших конкурентов и поднять

свои доходы до максимума. К тому же в тот мир мало-помалу просачиваются и другие общие проекты. Кто-то ищет нефть, кто-то разрабатывает золото. Да мало ли, что можно еще придумать? Ну так что, по рукам?

– По рукам, – уверенно кивнул я. – Давайте ваш договор, будем читать.

Подольских лишь усмехнулся и вдавил кнопку интеркома.

Асфальтовое шоссе вновь сменилось тщательно укатанной грунтовкой, и микроавтобус, не сбавляя скорости, понесся по лесной дороге, увозя нас все дальше от душных стен мегаполиса. Ненавязчивая музыка, мерно струившаяся из колонок, разбросанных по салону, настраивала на позитивный лад, а плавно покачивающийся на кочках салон убаюкивал, погружая своих пассажиров в дрему. Мне даже удалось поспать, провалившись в легкое тревожное забытие, а когда я вновь умудрился открыть глаза, мы уже катили по бетонке. С одной стороны все так же молчаливо и гордо возвышалась лесная стена, с другой же – высоченный дощатый забор.

По дороге попало несколько вышек, на смотровых площадках которых, опершись о поручни, сучали автоматчики. Где-то слышались лай собак и шум моторов. Один раз даже пролетел легкий самолет, из тех, что называют малой авиацией, и, уходя на посадку, скрылся за горизонтом.

– Семеныч? Ты, что ли? – вдруг ожила на торпедо авто-

мобилия молчавшая до этого рация.

– Я, – подтвердил водитель. – Со мной представители, если что, вас должны были предупредить.

– Команда есть, – поделилась рация. – Научники спозаранку свою машину кочегарят. Старик, и тот с утра прикатил и носится по комплексу на электрокаре, активно мыля холки неудачникам из нерасторопных.

Территория комплекса, куда нам еще предстояло попасть, поражала своими размерами. Судя по протяженности забора, вдоль которого мы ехали уже без малого минут десять, ушедшего на посадку самолета и прочих мелких подробностей радиопереговоров, представление о его площади в моем мозгу увеличивалось в геометрической прогрессии.

Наконец забор вильнул влево, выводя микроавтобус на залитый бетоном пяточок, и на нас поверх колючей проволоки уставились пулеметные дула.

– Ничего себе, – хмыкнул Славик. – Там автоматчики на вышках, тут пулеметы. На военный объект больше похоже или зону.

– Считаю, что это и то и другое, – пожал плечами водитель. – Дисциплина тут, как у военных, а безопасность, как у внутряка. Пропускной режим, путевые листы, все чин по чину.

Суровый мужик на въезде придиричиво осмотрел документы, долго пролистывая испещренные печатями и штампами

бланки, и, наконец, махнув кому-то рукой, скрылся в калитке. Тяжелые стальные ворота вздрогнули и начали расходиться, пропуская нас на закрытую территорию.

По правую руку потянулась череда домиков для персонала, отгороженных от взлетно-посадочной полосы двумя здоровенными полукруглыми ангарами. Взад-вперед по мощным дорожкам курсировали электрокары, везущие по делам людей в форме и белых халатах, так что создавалось впечатление, что мы попали на самую настоящую военную базу, из тех, что любят показывать в зарубежных фильмах про инопланетные вторжения и героических бойцов, грудью встречающих взвездную угрозу. Путь наш пролегал по центральной улице, и по ходу движения попало несколько фонтанов, уютно притулившись в зеленой прохладе скверов, обнесенных живой изгородью из шиповника и акаций. В одном из зданий я не без удивления распознал самую настоящую школу, которая сейчас пустовала ввиду летних каникул. Чем дальше мы продвигались вглубь, тем обширнее и разветвленнее представала перед нами инфраструктура этого секретного городка.

Вопреки моим ожиданиям, нас не повезли в гостиницу или что-то похожее на место отдыха. Споро крутя рулем, Семеныч направил свой экипаж к возвышающейся над всем этим башне черного стекла. Венчали ее развевающийся на ветру триколор и исполненный в стали герб в виде буквы «П», обвитой оливковой ветвью. На подъезде к башне нас

остановили во второй раз, и теперь проверка предстояла более тщательная. Бравые парни в форме цвета хаки, с весьма недешевым снаряжением и вполне себе реальными АКСУ, попросили нас выйти из машины и предоставить вещи к досмотру. Вся процедура заняла не больше двадцати минут, и удовлетворенный начальник караула кивнул, пожелав нам доброго пути.

– Удачи, парни, – кивнул он нам. – Вижу, вы не из того теста, как те слюнтяи, которых нам приходилось отправлять до этого. Смотрите там, поосторожнее, народ за дверью суровый.

Поблагодарив болтливого начальника, мы погрузили свои баулы внутрь микроавтобуса и уже собирались усесться назад, как нас настиг протяжный вой клаксона.

– Босс едет, – кивнул водила куда-то назад. И действительно, метров за триста, на развилке, одним своим рукавом упирающейся в башню, а другими расходясь в жилые и хозяйственные кварталы, появился красный электрокар, за рулем которого восседал старший негоциант.

Скорость маленькая юркая машинка набрала приличную, и тонкие седые волосы Подольских развевались на ветру. Кажалось, что дунет ветер чуть посильнее, и старик начисто потеряет всю свою прическу.

– Ну, как настроение, парни? – крикнул он издалека.

– Отлично, босс, – в тон ему прокричал я. – Лучше не бывает, впрочем, вопросов вновь накопилось прилично.

Взвизгнув тормозами, электрокар встал, и, выбравшись с сиденья, Семен Петрович бодро зашагал в нашу сторону. Интересно, сколько старику лет? На вид, когда сидит или пишет, не менее девяноста, а как встанет или начнет говорить, то сбрасывает два десятка без малого. Интересно-то интересно, а спросить неудобно как-то.

– Вопросы, вопросы, вопросы, – закачал головой старик. – Вопросы есть всегда и всегда будут. Если ты думаешь, значит, существуешь, а существование требует объяснений.

– Серьезно тут у вас все, – одобрительно кивнул Зимин. – Государство в государстве прямо. Ожидали сторожку в лесу, а встретили город.

– Город, – довольно ухмыльнулся Подольских, – это вы загнули, молодой человек, но если бы было желание, на самостоятельную географическую единицу претендовать могли бы на полном основании. Сами понимаете, желания такого нет. Давайте-ка я вам экскурсию по базе устрою, а потом проясним все ваши вопросы за завтраком. Переброска назначена ровно на час по Москве, так что время у нас есть.

Обещанная экскурсия вкупе с обещанным завтраком показали мне весомым аргументом, к тому же от предложений, прозвучавших из уст прямого начальства, отказываться не принято, так что, усевшись в электрическое чудо, мы покатали на обзорку.

– Персонал базы насчитывает более трехсот человек, точнее сказать не берусь, – кивал Подольских, бодро выжимая

педали. – Вообще место тут замечательное. Столько энергии, столько энтузиазма, здравого смысла и блестящих идей. Как ни приеду сюда, не то что душой, будто телом молодею. Вот там, кстати, – кивок на ряд двухэтажных коттеджей, закрытых серым сайдингом, – у нас домики для персонала. Все чин по чину. Спальня, кухня, хозяйственные помещения и даже сауна. Многие здесь не только работают, но и живут. Люди тут со всей страны. Питание у нас хоть и бесплатное, но магазины присутствуют, чтобы человек всегда мог посидеть в кругу семьи, пожарить шашлык на заднем дворе или теплым летним вечером на веранде распить бутылочку приличного вина.

Ну и все в том же духе. Кроме жилых помещений, на территории присутствовал аэродром с собственной навигационной башней, казармы охраны, которой тут было чуть ли не вдвое больше, чем остального персонала, учебный полигон и стрельбище, принадлежавшие им же. Далее пошли приземистые здания, отрекомендованные Подольских как столовая, библиотека, поликлиника и бассейн. Ни дать ни взять потемкинская деревня со всеми удобствами.

– Вон там у нас мастерская. – Старик кивнул куда-то в сторону тянувшейся по краю дороги сеткирабицы, растянутой на стальных столбах. – Ремонтируем все на месте, благо со специалистами полный порядок. Золотые руки у мужиков, не иначе. Думал я одно время зоопарк завести, со зверюшками, на манер шведов, да детей пока мало. Будут дети,

будет зоопарк.

Мирный научный городок на поверку оказался не таким уж мирным, каким хотел казаться. По периметру возвышались вышки, на смотровых площадках которых лениво прогуливались автоматчики, предназначенные скорее, чтобы не выпускать людей с территории, чем предотвращать угрозу извне. Расслабленные уж больно, ведут себя чёрт-те как. Чуть ли не курят на посту. То тут, то там попадались военные патрули, автоматчики в бронежилетах, курсирующие по улочкам как пешком, так и на электрокарах, раскрашенных в камуфляжные пятна. Вершиной всего этого оказались три шестидесятых «Ана» компании «Сикорски Эйркрафт», с двумя подвесными пулеметамипушками, хищно поблескивающими на солнце.

– Вы, видать, господин Подольских, к войне готовитесь, – кивнул я в сторону смертоносных стрекоз.

– Ах, это, – довольно улыбнулся старик. – Впечатляет? Подарок израильских партнеров. Замечательная вещь, я бы сказал, сама в себе. Наличие подобной техники на территории отбивает всяческую охоту лезть в наши дела.

– А как же военные? – удивился Славик. – Правительство, МВД? Разрешение на боевые ударные вертолеты на дороге не валяется.

– А я самодур, – расхохотался Семен Петрович, – богатый старик, выживший из ума от перенапряжения и преклонных лет. Мне многое позволено.

– Но не вертолеты же, – покачал я головой.

– Ладно, – отмахнулся Подольских. – Раскрою карты, так и быть. Военные уши и так торчат здесь на каждом углу. Министерство обороны к этому отношению имеет, притом самое прямое. Вертолеты эти, кстати, их, да и лентяи по периметру из той же компании. Сопrotивлялся я их присутствию до последнего момента, хотя и шел на грандиозные уступки. На территории королевства, куда вам предстоит попасть, присутствует наше посольство, именно посольство Земли, чья прямая выгода и так понятна. Нажива, нажива и еще раз нажива, впрочем, осуждать их я не берусь. Она же и у нас во главе угла, но печально другое. Там, за дверью, уже более десяти лет находятся ученые и военные, чья деятельность регулируется только высшими эшелонами власти. Мы должны осуществлять безопасную переброску экспедиций, делать пребывание высоких гостей комфортным здесь и легким там, а за это нам дана на откуп возможность беспoшлинной торговли с другим миром. Казалось бы, что еще желать? Отвечу, только не этого. За всей деятельностью компании без исключения ведется тотальная слежка, наши доходы, не скрою, немалые, базируются не только на межмировой торговле. Тут просто идея, легкие деньги и романтика, а основной бизнес, естественно, крутится в сфере добычи природных ископаемых. Сейчас, впрочем, на горизонте маячит еще одна интересная идея по поводу разработки грандиозного нефтяного шельфа в Северном Ледовитом океане,

но пока это проект, и если он заработает, сливки вновь придется снимать правительство.

– Если предприятие за дверью не столь выгодно, как позиционировалось в самом начале нашего с вами знакомства, – удивился я, – то в чем же его резон?

– Резон, – хитро покосился на меня старик. – Резон в том, что те территории, на которые вы попадете, хоть и имеют безопасников извне, но все же им не подчиняются. Там, по сути, свободная зона, полностью очищенная от мерзости этого мира. Юное государство с дикими и оттого прекрасными нравами и радужными перспективами. Нам бы закрепиться там, организовать несколько конвоев в дикие земли, а потом посмотрим. Если дело выгорит, то уже я, а не политики и военные, смогу диктовать свои условия. Вот, кстати, мы и приехали.

Электрокар Подольских притормозил на зеленой лужайке, около одноэтажного строения серого камня, стены которого так плотно опутывались плющом, что создавали впечатление не то что древности, а ветхости строения.

Увидев наше со Славиком недоумение, старик вновь довольно рассмеялся.

– Это уже мои биологи постарались, – пояснил он, кряхтя выбираясь с водительского сиденья. – Дом был построен с таким расчетом, чтобы на любой, даже самый притязательный взгляд казаться старинным до чертиков. Такой он, вы понимаете, только с виду. Внутри же есть все удобства

и блага современной цивилизации, с которыми, чем старше становишься, тем тяжелей расстаться. Вы еще молодые, полные сил и бесшабашного энтузиазма. Я же настолько свыкся со всем, что меня окружает, что дня себе не могу представить без удобного кресла-качалки с пледом по вечерам и бокала вина перед сном.

Преодолев парадную дверь, мы оказались в маленькой, скромно обставленной гостиной, овальный стол в которой уже был накрыт на три персоны. Тосты, масло, яйца всмятку и ароматный кофе в белом фарфоре среди накрахмаленных салфеток только и дожидались нашего прихода.

– Присаживайтесь, – кивнул Подольских в сторону накрытого стола, – а я на пару минут вас оставлю. – И исчез в недрах дома, предоставив нам самим разбираться с маленьким благоухающим праздником желудка.

Усевшись за стол, мы принялись разливать кофе и мазать тосты маслом, то и дело поглядывая на дверь, за которой исчез хозяин дома. Подольских, впрочем, не заставил себя долго ждать, появившись на пороге уже в халате и мягких тапках на босу ногу, и, плюхнувшись на свободный стул, с воодушевлением принялся расправляться с вареным яйцом.

– Извините меня, господа, стариковские привычки, – пояснил он свой внешний вид. – Как ни крути, но за десятки лет я привык завтракать в халате, и если могу себе позволить эту маленькую слабость, то почему бы и нет.

– Вольному воля, – кивнул я, пробуя свежесваренный ко-

фе. – Так что по поводу вопросов?

– Экий вы любопытный, – хмыкнул Семен Петрович, цепляя краешек облупленного яйца ложкой. – Вроде уже все тайны мира вам открыл, а им все мало.

– Позвольте все-таки полюбопытствовать, – не спешил сдаваться я.

– Извольте. – Старик присыпал яйцо из солонки и отправил ложку в рот. – В конце концов, предупрежден, следовательно, вооружен.

– Куда делся мой предшественник? – задал я занимающий меня с недавнего времени вопрос. – Не оправдал доверия?

– Почему же, – меланхолично пожал плечами Подольских. – Оправдал. Очень даже оправдал.

– Тогда почему же его отстранили? – продолжал напирать я.

– А он сам отстранился, – выдал как ни в чем не бывало старик. Прикончив яйцо, он отставил пустую скорлупу в сторону и переключил свое внимание на тосты. – Вы только не поймите меня превратно, Андрей был талантливый финансист и гениальный делец.

Слово «был», произнесенное новым шефом, заставило наострить уши.

– Рохля только на поверку и трус, – закончил перечислять достоинства своего бывшего подчиненного Подольских. – Голову ему отрубили.

– Это же как отрубили? – Лицо Зимина вытянулось, а ап-

петитная булка застыла в воздухе, так и не добравшись до рта.

– Как-как? – помедлил с ответом старик. – Начисто, мечом. Большой такой меч был, двуручный. Его сначала повесить хотели, но Его Величество смилостивился и избрал для него почетную смерть через отсечение головы. Какни-как иностранный представитель, налогоплательщик и вообще рубаха-парень. Виселица, она что? Она для простолюдинов, знать же либо топором, либо мечом казнят. Последнее самое почетное.

Больше, впрочем, от Подольских добиться ничего не удалось. Разговаривали о погоде, о кулинарных пристрастиях, разговор одно время даже зашел об исчезающих видах животных, в сохранении которых концерн миллиардера принимал самое живое участие. За неспешным течением беседы минул час, затем второй и, наконец, настало время выдвигаться.

– До площадки переброски я вас доставлю на своем каре, – пояснил старик, выходя из дома, – но за красной чертой мои правила и пожелания заканчиваются. Там, – палец старика устремился в сторону горделиво возвышающейся черной башни из стекла и бетона, – оплот науки и высоких технологий.

– Инструкции будут? – наудачу поинтересовался я, усаживаясь рядом с Семеном Петровичем.

– Инструкции получите на месте, – кивнул тот. – На месте

конечной переброски вас встретит мой человек, из местных. Вы легко узнаете его по гербу с буквой «П» в оливковых ветвях на пряжке его плаща. Он введет вас в курс дела, постарается прояснить все тонкости, ну и дать основы геополитики, конъюнктуры рынка и придворных интриг данного региона в как можно большем объеме. После того, как вы перейдете Рубикон, тайн и недомолвок для вас больше не будет.

– Чего нам стоит опасаться? – поинтересовался Славик с заднего сиденья.

Электрокар зажужжал и, тронувшись с места, неспешно покотился в сторону мифического портала на другую планету.

– Опасайтесь сомнительных сделок, трусости и шельмовать в азартные игры, – произнес Подольских. – Этого не любят нигде. Ни в нашем, современном и напичканном электроникой мире, ни в их, с грязными улочками, бородами выпивохами и древним оружием.

Красная черта действительно была. Тротуарная плитка серо-зеленого цвета, которой была выложена площадь вокруг черного здания, была разделена толстой, в три слоя, полоской красного кирпича, около которой мы и остановились.

– Вещи ваши уже на месте, – пояснил старик. – Идите к главному входу. Внутри вас встретит профессор Берк, он же проводит вас на площадку. Отчеты о проделанной работе будете посылать курьером раз в три месяца. Связь так же через врата. В теории можно пользоваться и радио, но пока волна дойдет от одной планеты до другой, мир сме-

нит несколько зим и лет, и, боюсь, сами факты и цифры, указанные в депеше, перестанут быть актуальными.

Попрощавшись со своим работодателем, мы выбрались из кара и, перешагнув красную границу, направились к парадному входу. Автоматические двери начали расходиться перед нами, стоило подойти к ним чуть ближе. «Вот и все», – пронеслось у меня в голове. Если раньше можно было списать все на шутку, дать задний ход ввиду непонимания ситуации или просто сбежать, то сейчас, когда автоматика сводила за нашими спинами массивные толстые створки, путь назад отсекался окончательно. Жечь мосты, есть такое определение. Означает оно примерно то же, что сейчас происходило с нами. Я поежился, представив, что за моей спиной сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, наращивая темп, рождаясь из малейшей искры и, в конце концов, превращаясь в сплошную, пышущую жаром стену, разгорается пламя.

– Я Николая Берк, руководитель подразделения переброски персонала, – поспешил представиться появившийся из ниоткуда среднего роста мужчина в белом халате.

Вот только минуту назад передо мной никого не было, холл был холоден и пуст, и вот стоит он, вроде бы профессор, невзрачная и ничем не запоминающаяся личность. Встретишь такого на улице, внимания не обратишь, настолько обыденно выглядел мужичок в белом халате. Небольшой шипящий акцент позволял предположить в профессоре ино-

странца, но угадать родину руководителя подразделения переброски было крайне затруднительно. Так же как и внешность, акцент его был невыразителен и небросок. Не француз, те картавят, не немец, те рубят, будто лают, но европеец однозначно. Черты лица, цвет кожи, волосы, манера держаться, все свидетельствовало в пользу этой версии.

– Пойдемте быстрее, господа, – поторопил нас Берк. – Процесс запущен, отсчет идет. У вас будет ровно минута, чтобы пройти в дверь.

Лампочки в здании вдруг мигнули, все вместе, в один момент, будто черная башня вздумала игриво подмигнуть торговым представителям: не робейте, мол, ребята, еще не то будет.

– Перепад напряжения? – поинтересовался я, следуя за устремившимся по коридору профессором.

– Можно сказать и так, – бросил он через плечо. – Для работы двери, или портала, как уж вам будет угодно, требуется колоссальное количество энергии. Потому-то мы и строго поставлены во временные рамки.

– А как же там, на другой стороне? – вспомнил Зимин. – Подольских говорил, что там нет электричества.

– Шеф прав и неправ одновременно, – смело заявил Берк. – Электричество там есть, но в крайне ограниченном количестве. Так, ветряки, может, мельницы. С нашим оборудованием можно зажечь лампочку, не более.

– Или зарядить ноутбук? – вдруг ни с того ни с сего поин-

тересовался мой армейский товарищ.

– Можно, – охотно согласился ученый. – Двенадцать вольт, думаю, получится, но только нет там ни ноутбуков, ни карманных компьютеров, ни прочих прелестей современной жизни, умещающихся на коленке.

– Простите, профессор, – одернул я взглядом Зимина, – мы вас перебили. Не можете ли вы продолжить свою мысль, а то интересно до жути.

– О чем это я говорил? – смутился Берк. Реплика по поводу зарядки ноутбука от водяной мельницы, несомненно, сбила его с хода мысли.

– О работе врат, профессор, – с готовностью напомнил я. – Точнее, об их функционировании на той стороне.

– Ах да, точно, – всплеснул тот руками. – Энергия, потребляемая дверью, весьма велика, и для нормального функционирования нам пришлось разместить на территории комплекса миниатюрный атомный реактор, к слову говоря, заодно со зданием питающий все, что вы уже видели. Естественно, технологии, подобные мирному атому, экспортировать куда-либо, а уж за черту, мы точно не собирались, и делать этого не будем. К счастью, этого не требует сам процесс. Портал двухсторонний. Задействованный на Земле, он открывается и на Марлане, и действует как самая настоящая дверь. Перебросив груз и пропустив людей, мы снижаем поток энергии, и проход схлопывается.

– Марлан? – хмыкнул я. – Забавное название.

– Местный диалект, – пояснил ученый. – В наших каталогах у планеты нет названия, а имеется длиннющий номер.

– Кстати, о диалекте, – хлопнул я себя по лбу. Господи, какой же я идиот! Может, группа крови у нас с марланцами одинакова, руки и ноги имеют по пять пальцев, а во рту тридцать два зуба, но язык, язык, на котором они говорят?!

– Не волнуйтесь, – улыбнулся Берк, видя мое замешательство. – Язык Марлана прост и до неприличия интуитивен. Стоит схватить общий смысл основных фраз и понятий, как все сразу встанет на свои места. У нас даже спор был с коллегами. Может ли такой феномен развиваться сам, или кто-то из древних сильно помог чумазым. Я, которому языки давались только путем кропотливой работы и зубрежки, и то выучил его за две недели. Иногда, конечно, случаются казусы, как с одним из курьеров, присланных от дочки шефа. Парень сильно хотел в туалет, а его направили на кухню. Трудности перевода.

– Вот еще о дочке Подольских? – заинтересовался Славик. – Что может дочка босса делать в столь странном месте?

– Человек она интересный, – улыбнулся ученый. – Умная, начитанная, от отца взяла его упрямство в достижении цели и азарт борьбы, но это скорее приобретенное. Идея возглавить торговую миссию в качестве родового представителя Негоциантского дома пришла в голову именно ей. Помимо главного торговца, любой торговый дом, чье представительство находится в столице королевства, обязан предста-

вить пред светлы очи Его Величества либо самого себя, либо родственника, желательно сына. Вот его приемная дочь и решила, что для папаши будет лучше, если она сама будет присматривать за делами.

– Приемная? – удивился я. – Разве она не родная дочь шефа?

– Нет, – отрицательно замотал головой Николая. – У Подольских никогда не было детей. Почему, сказать сложно, ведь любовниц и жен у него было предостаточно, но ни одна из них не смогла родить ребенка. Поговаривают о болезнях шефа в мужском плане, но это уже совсем не наше дело. По поводу того, что девочку взяли из сиротского приюта, в том нет тайны ни для кого. Клара, так зовут наследницу, попала туда грудным младенцем и находилась до тринадцати лет, пока острый глаз старика не остановился на её кандидатуре.

За разговором мы прошли по длинному коридору, тонущему в мягком полумраке. Десятки дверей, сотни надписей, различные указатели всех форм и расцветок, и ни одного человека.

– Где все? – поинтересовался я, заметив столь странную особенность. – Кабинетов вроде много, а создается впечатление, что в здании только мы троим.

– На площадке все, – кивнул ученый в сторону двери, рядом с которой находился электронный замок с панелью. – Тысячи параметров приходится отслеживать, что-

бы вас, не приведи господь, не бросило посреди океана или, того хуже, замуровало в скалу. Военные в ту пору, когда сама дверь только испытывалась, с этим делом не церемонились и в качестве подопытных кроликов поставляли зэков, из уголовников и насильников. Десятка два погибло точно, могу ручаться, с полсотни навсегда остались калеками. Времена те, слава богам, я не застал, иначе бы не вынес обстановки. Теперь проще. Есть карты местности, географические привязки, величина импульса и угол, с которым идет волна. Попытайтесь сбить настройки может что угодно, от вдруг заработавшего сотового телефона до фазы луны, и операторы установки как раз и занимаются тем, чтоб путешественника не размазало по стенке.

Приложив руку к считывающему устройству и дождав-шись подтверждения, ученый толкнул дверь.

– Пройдемте, господа, нас уже ждут.

Помещение, где находились ворота, ведущие на далекую и загадочную планету, признаться, разочаровали. Нет, с точки зрения логики там было все в порядке. Стройные ряды пультов и мониторов опоясывали площадку, на которой, обвитой толстыми силовыми кабелями, стояла довольно скромного вида рамка. Именно рамка, изогнутый прут в палец толщиной, на небольшом постаменте, куда и уходила вся инфраструктура, обеспечивающая питание и контроль. Сами ворота больше были похожи на гардеробную вешалку, чем на что-то грандиозное, а будничные лица операторов

скорее походили на выражения лиц телефонистов, замученных и замордованных однообразной работой.

– Это и есть врата? – Зимин с недоверием во взгляде обошел «вешалку» по периметру.

– Да, – кивнул ученый. – Все гениальное просто. Основная начинка врат, обеспечивающая переброску, находится в пластине, к которой они прикреплены. Сама рамка – не более чем отметка. Механизм врат тщательно скопирован, и десятки умнейших голов трудятся над тем, чтобы понять суть работы устройства. Проект дублирования идет семимильными шагами, и вскоре, заявляю это не без гордости, мы сможем воспроизвести не такие мощные, но все же врата, позволяющие путешественнику переходить, скажем, из Москвы в Тверь или из Лондона в Алупку. Потрясающее открытие.

– Работы ведутся с участием всех зарубежных партнеров? – как бы невзначай поинтересовался я.

– Да, – не заметив подвоха, кивнул господин Берк. – Все иностранные партнеры, давние знакомые босса, приложили немало сил и средств, чтобы воплотить идею «Легкого путешествия» в жизнь. Это будет прорыв, сенсация. Можно будет отказаться от всех видов транспорта, включая те, что оснащены двигателями внутреннего сгорания. Расстояние более не будет иметь никакого смысла. Хочешь в Мюнхен? Ради бога! В Дрезден? Проще простого.

– А как с окупаемостью данного проекта? – ехидно поинтересовался я.

– Над этим тоже ведется работа, – пожал плечами ученый. – Не все сразу, господа, не все сразу.

– Знаешь, – шепнул мне Зимин на ухо, – меня вообще удивляет, как этот проект стал международным. Это с нашимто существующим в ту пору строим.

– На кофейной гуще гадать не будем, – отмахнулся я от приятеля. – Зачем нам это. Мы торговые представители, будем продавать, покупать, делать прибыль. Остальное нас не касается.

– И то верно, – быстро согласился Славик.

Небольшое электронное табло над воротами зажглось, стремительно отсчитывая секунды.

– На табло указано стартовое время, – пояснил Николая. – Извольте убедиться, ровно десять минут. По истечении этого времени установка подаст энергию на управляющие контуры врат, тем самым открывая проход. Ваша задача просто пройти туда. Место переброски, благодаря усилиям наших ученых, почти статично, и колеблется в радиусе ста метров от точки расчета. С этим, к сожалению, пока ничего поделать нельзя. Следующее окно переброски окажется там же ровно через три месяца по земному времени.

– Время там тоже отличается? – печально вздохнул я. Сдаешь ты позиции, Дмитрий, раз о таких очевидных вещах не озаботился. Сначала язык, потом время... Что на очереди?

– В марланских сутках двадцать пять часов, – пояснил

профессор, – посему асинхронность присутствует, и весьма ощутимая, но не волнуйтесь, это тоже учтено. На той стороне стоит таймер, оповещающий служителей, официальных представителей королевства о дне переброски, а они уже общаются всем посвященным.

– За долю малую, – продолжил я за него.

– Да, – согласился Берк. – Все имеет свою цену. Вещи, дела, услуги. Оповещение о времени, когда открывается дверь, ценная услуга и неплохо оплачивается. В принципе, никому не возбраняется вести самостоятельный учет времени, но практика показывает, что проще полагаться на служителей. Они же, кстати, присматривают за площадкой на той стороне, обеспечивая чистоту и порядок. Это скорее услуга, чем необходимость. Каждый из путешественников может взять свой таймер, но не факт, что сможет вовремя добраться до точки отсчета, ну или, в конце концов, его могут просто не пустить туда стражники, королевская панцирная пехота, стоящая там лагерем.

– Ясно, – улыбнулся я. – Куда ни кинь, везде клин. Так сказать, навязываемые услуги, ну или коммерция с кулаками. Знаем, проходили.

– Ну, вот видите! – обрадовался ученый. – К тому же все расходы на содержание и оплату включены в бюджет и стоят для нас сущие гроши, так что причины для беспокойства нет и не будет.

– А что, если врата не откроются? – поинтересовался Сла-

вик. – Ну, сломается что или плутоний в реакторе закончится.

– Вся система находится под неусыпным контролем, – пустился как по написанному тараторить наш провожатый. – Каждая цепь проверяется не раз и не два, а накануне старта вообще идет ежесекундное наблюдение. Если вы боитесь, что Подольских со товарищи вдруг свернут дела на планете и позабудут позвать вас с собой, то вы глубоко ошибаетесь. Слишком много денег, слишком много влиятельных, да и просто опасных фигур на той стороне. Относитесь к двери как к автобусу. Если не пришел один, значит, скоро придет второй.

Цифры, стремительно сменяя друг друга, наконец, закончились, оставив на поверхности электронного табло простой ноль. Где-то что-то загудело, удары по клавишам клавиатур участились, кто-то закашлялся, и мир в рамке поплыл, будто кто-то неведомый потянул за ниточку, стежок за стежком распуская полотно реальности.

– И все? – хмыкнул я, наблюдая за появлением марева, больше похожего на то, что появляется над нагретым беспощадным летним солнцем асфальтом.

– Быстрее, – кивнул ученый на табло, которое принялось отсчитывать последние секунды нашего времени в привычном и вдруг до боли милом и родном мире. – Время пошло.

– С Богом. – Зимин подхватил стоящие рядом кофры и, шагнув в рамку... исчез.

Я обернулся, сглотнув слюну, окинул прощальным взглядом зал управления, вздохнул и, подхватив свой багаж, ринулся в марево. Ни болезненных ощущений, ни ощущений вообще испытать не получилось, что, наверное, к лучшему. Погружаясь в неизвестность, я плотно зажмурил глаза, а когда шагнул на другую сторону, понял: переброска удалась.

– Сволота, не могли предупредить, – стуча зубами и ежась от холода, Славик срочно расстегивал молнию сумки. – Минус пять как минимум.

Я огляделся, щурясь от яркого света. Что день был, понятно, но вот не лето точно, как ни посмотри. Последнее ощущение с легкостью подтверждали ледяной ветер и хлопья снега, то стремительно пронесившиеся мимо, то стремящиеся попасть в рот и глаза.

Точка приземления представляла собой почти идеальный круг метров триста в диаметре, по периметру которого высился деревянный частокол. Верхние концы кольев были кем-то старательно заточены и облиты чем-то черным наподобие смолы. Кое-где на деревянных зубьях виднелись клочки одежды, очевидно, самых любопытных аборигенов. Небо над головой было обычное, зимнее, сероголубое, солнце чуть больше нашего – вроде, но как профану в астрономии мне на это было наплевать. Есть на небе что-то яркое и круглое, ну и ладушки.

– Что встал как вкопанный? – удивился Зимин. Свой сви-

тер он уже успел нацепить и сейчас терзал недра сумки в поисках теплых ботинок. – Задубеешь. Во, встречающие! – Рука Славика указала мне за спину. – Трое аж.

Действительно, от тяжелых деревянных ворот к нам спешила любопытнейшая троица. Двое, очевидно стражники, рослые светловолосые мужчины с гладко выбритыми подбородками и закрытые под самое горло в кожаный доспех с железными нашивками на груди и торсе, шествовали важно, всем своим видом придавая значимость своему посту и миссии. Здоровенные топоры, впрочем, зачехленные, торчали из-за правого плеча. В левой руке на сгибе локтя каждый из них нес круглый шлем.

Эти, наверное, тяжелая панцирная пехота, решил я, невольно поразившись ширине плеч и острым, до безобразия правильным чертам лица. Да и оружие, перехваченное лямкой, идущей через грудь, своими размерами вызывало уважение и трепет. Я бы, наверное, такой и поднял бы с трудом, а эти чешут по пересеченной местности в полном доспехе, и ничего. Третий, последний, но от этого не менее значимый и колоритный, очевидно был тем человеком Подольских, который должен был ввести нас в курс дела.

Высокий, сухопарый мужчина средних лет, с головы до ног закутанный в плащ с меховой опушкой – несмотря на всю свою солидность и очевидную почтенность, пехотинцы держались чуть в стороне от сухопарого, почтительно отставая на полшага – семеня вперед по рыхлому снегу.

– Господа негоцианты, приветствую вас на территории королевства, – взмахнул он рукой в меховой перчатке.

– И вам не хворать, – поморщился Славик, надвигая шапку на глаза.

– Приветствую, – крикнул я сквозь свитер. Узкая его горловина хоть и защищала шею от холодного ветра и хлопьев снега, но сделала переоблачение весьма непростой задачей. – Холодно у вас тут.

Троица наконец приблизилась ровно настолько, что мы смогли обменяться рукопожатиями.

– Спешу представиться, – раскланялся встречающий. – Я ваш гид и советчик на ближайшую неделю, барон Ярош Грецки. Со мной, – кивок за спину, – капитан роты королевской тяжелой пехоты виконт Криви и его адъютант, лейтенант Малдон.

Оба бронированных здоровяка синхронно щелкнули сапогами сапог.

– Извольте в дом, господа. – Грецки вновь кивнул за спину и, развернувшись, засеменял по снегу в сторону распахнутых ворот. Пехотинцы вновь кивнули, то ли нам, то ли друг другу, жесткие стоячие воротники мешали им ворочать головой, и, издавая звук товарного состава, припустили за бароном, спеша убраться в тепло и уют казарм.

Наблюдая за удаляющейся троицей, я только покачал головой. Трудно здесь будет, ой как трудно. Они же, считай, зашли для галочки, словно прогуливались неподалеку.

– Пошли, – кивнул я Зимину, который, застыв на мгновение, уставился в исчезающие в воротах широкие спины пешехотинцев короля. – Нас вроде пригласили в дом.

– Вещи бы, что ли, помогли дотащить, – вздохнул Славик и, вздернув сумки на плечо, поплелся вслед за мной, проваливаясь по щиколотку в снег.

– Ага, – улыбнулся я. – Два офицера и целый барон шмотки за тобой таскать будут. Не барское это дело.

– Ну хоть бы кого прислали, – сокрушался Славик позади меня. – Ты же как-никак глава торгового представительства. Купец, чиновник, кто ты там еще? Ну, личность важная.

– Зимин, не ной. – Я на ходу вытащил сигарету из кармана и, щелкнув зажигалкой, закурил. – Все встанет на свои места. Кто мы для них? Чужаки. Что от нас можно ожидать, не знают, но и в ноги бухаться не собираются.

Преодолев участок, заваленный снегом, мы выбрались за пределы частокола и тут же окунулись во все прелести средневековой жизни, а именно вляпались ногой в чье-то дерьмо. Вляпался-то я, но настроение поднялось у моего приятеля, и, матерясь на чем свет стоит на эту кучу, на того, кто её тут изобразил, и вообще на весь мир, я, шаркая ногой в тщетных попытках сбросить с ботинка смердящие кусочки, устремился прочь от точки перехода.

Путь наш пролегал мимо сколоченных на скорую руку казарм, своим видом больше напоминающих сараи. Коно-

вязь, пустовавшая в это время года, использовалась солдатами в качестве опор для тяжелых ростовых щитов. Выстроившись в ряд, словно стальной забор, они преграждали вход в одно из служебных помещений. Мимо, в сторону складов, тянулись тяжелые подводы с продовольствием, буксующие в снеге и грязи, и пехотинцы, сопровождающие их, впрягшись в телегу наравне с тяжеловозами, проталкивали провиант на ровную площадку для разгрузки.

Мимо, пуская лошадей в галоп, проносились всадники, создавая явную угрозу столкновения. Комья мокрой глины разлетались из-под копыт в разные стороны, норовя попасть в лицо. Далее, на выровненной и очищенной от снега площадке тренировались копейщики, под надзором суровых офицеров. Зычная ругань и треск деревянных рукояток об набитые соломой чучела, свист стрел, пробивающих на вылет круглые мишени на треногах, ржание лошадей и завывание сигнальных рожков. Шум за частоколом буквально оглушил.

– К войне, что ли, готовятся? – удивился я, наблюдая за всем этим воинством, более похожим на разворошенный муравейник.

Появившийся из ниоткуда барон Ярош подхватил меня под локоть, помогая избежать позорного падения в зловонную лужу.

– Не обращайтесь внимания, господа негоцианты, – улыбнулся он. – Учения. Король со дня на день должен пожало-

вать с целью инспекции, а поскольку данный участок прибытия негоциантов является объектом государственной важности, проверка будет не из простых, а с пристрастием.

– Ясно, – кивнул я, огибая глубокую колею, вырытую колесами тяжелых подвод.

– Ничего вам не ясно, – хмыкнул барон. – Его Величество Гарин Третий, старший сын и наследник покойного короля Якова, человек острого ума и трезвого рассудка. Всем пехотинцам, служащим здесь, оказана великая честь верой и правдой охранять секреты государства и службой своей поддерживать экономическое развитие королевства. Вот мы почти и пришли.

Заселили нас в ротную гостиницу, приземистое трехэтажное строение из бруса с низкими потолками и маленькими окнами, затянутыми бычьим пузырем.

– Сегодня никуда не поедем, – пояснил барон, пропуская нас вперед и обивая сапоги от снега. – Погода ухудшается, а до столицы без малого пятьдесят километров.

– Отлично, – согласился я. Большой камин в общем зале, заставленном тяжелыми дубовыми скамьями, призывно потрескивал поленьями, распространяя по помещению приятное тепло. – Вы удивительно хорошо говорите по-русски.

– Должность обязывает, – кивнул мой собеседник. – Смотритель?!

На крик прибежал невысокий розовощекий толстяк в сером сюртуке поверх синей атласной рубашки с жабо.

– Господам негодьянтам лучшую комнату, как было условлено!

– *Баринус акрил негодьянта*, – расплылся в приторной улыбке слугитель и щелкнул пальцами. Рядом с нами, как из ниоткуда, появилась пара одинаковых с виду мальчишек. Рыжие, зеленоглазые, в одинаковых длиннополых сюртуках и высоких сапогах с блестящими пряжками. Ни дать ни взять двое из ларца из той детской сказки.

– *Сквоязус крыл ливая, бистро*, – выдал толстяк и потом уже на чистом русском языке поинтересовался: – Господа желают принять ванну с дороги?

– Ванна бы нам не помешала, – признался я, осматривая зал.

Большинство столов, вечером, очевидно, ломящиеся от снеди и выпивки, сейчас пустовали. Лишь несколько столиков в дальнем углу были заняты солдатами, мирно потягивающими пиво из больших глиняных кружек. По стенам обеденного зала были развешены разномастные шкуры, в одной из которых я не без удивления опознал тигра. Растянутая на скобах в центре зала, она, по-видимому, занимая почетное место, оттеняла всю серость и простоту убранства.

– Отлично, – кивнул барон. – Вы пока располагайтесь, а я в комендатуру, договорюсь по поводу экипажа на завтра. Кстати, у вас же должна быть королевская временная лицензия на торговлю. Извольте выдать, это облегчит бронирование мест.

Покопавшись во внутреннем кармане, я вытянул на белый свет одну из карточек, переданных мне накануне Подольских, и она тут же исчезла в недрах плаща Грецки.

– Обед принесут вам в комнату, – кивнул он уходя. – Я распорядюсь. Да, не отлучайтесь до обеда из комнаты. К вам прибудет ментор. Он постарается дать вам азы языка в сжатой форме, необходимой на первое время. Языки наши похожи, так что, думаю, выучить марланский для вас не составит труда.

Мальчишки-лакеи схватили наши вещи и вприпрыжку понеслись вверх по широкой деревянной лестнице, щебеча и переговариваясь на своем растянуто-резком языке, и нам с Зиминим не оставалось ничего другого, как последовать за ними.

Комнату нам определили действительно знатную, правда одну на двоих, что немного меня смутило, но Славик отмахнулся и, не раздеваясь, рухнул на одну из широких кроватей, застеленных шкурами.

Резные спинки и ножки мебели, вычурная на вид конторка, испещренная искусной тонкой резьбой, и тяжелая стальная люстра на кованом крюке, ввинченном в толстенную деревянную балку под потолком. Не хватало только купидонов по углам кроватей да атласных перин.

Откинув край шкуры, я присел на кровать и начал стаскивать промокшие ботинки.

– Ну и погода, – хмыкнул Славик. – Чистой воды зима.

Да, ты слышал, как они общаются? Это умора какаято. *Баринос акрил нигоцианта*. Вот потеха.

– Потеха, не потеха. – Скинув наконец опостылевшую обувь, я растянулся на кровати во весь рост и прикрыл глаза.

Вроде бы и ясно все, однако, ни черта не ясно. Куча ошибок, куча недочетов человека, чей прямой доход зависит от их отсутствия. Да и почему, в конце концов, Подольских не смог разъяснить нам элементарные вещи? Та же погода. Вышли, рухнули в снег, принялись судорожно накидывать на себя теплые вещи и чуть не потеряли лицо перед офицерским составом и нашим встречающим, господином бароном. Тот же язык – что за спешка, отправлять в столь далекое путешествие двух представителей своей же конторы, не позаботившись выдать даже словарик основных терминов? Бред какой-то. Стоп, это не бред.

Чем больше я думал обо всем, тем более странной и поспешной начинала казаться вся наша экспедиция, мое назначение, карьерный взлет и полнейшее нежелание начальства освещать некоторые моменты.

– Славик, – тихо произнес я. – Похоже, нас подставили.

– С чего бы это? – Зимин удивленно уставился на меня со своей кровати.

– А с того, – пожал я плечами. – Чувство какое-то нехорошее. Раньше не понимал, что оно значить может, но чем глубже мы увязаем во всей этой истории, тем отчетливее и тревожнее оно становится.

– Конкретнее. – Славик свесил ноги с кровати.

– Недомолвок много, – пояснил я. – Взять ту же приемную дочку шефа. Вот что она тут делает?

– Куражится девка, – отмахнулся Зимин. – Хочется ей приключений, а что это, как не они? Кругосветное путешествие или экспедиция в дебри Амазонки по сравнению с этим так, легкая прогулка.

– Язык тот же, – не сдавался я, – ну ладно, мы с тобой прошляпили. Крыша у нас ехала от обещанных бонусов и весь мир тогда в разовом свете казался. Есть же люди, ответственные за подготовку, за инструктаж. Складывается впечатление, что нас просто выпнули сюда, и вертись как хочешь. Ну как, как, я тебя спрашиваю, вести торговые дела без знания языка оппонента. Ну, выучу я его, точнее основные термины из серии попросить воды или найти улицу, а остальное? Обычай, устои, манера поведения. Откуда я все это возьму?

– Не гони волну, Митяй, – сморщился Славик. – Новые впечатления, шок, перемена климата. Да тебе сейчас даже чай с мятой покажется вселенским заговором. Предлагаю принять ванну и пообедать. На сытое пузо всяко веселее.

Вопреки обещанию барона, таинственная фигура под наименованием ментор появилась в нашем номере ближе к ночи. За это время мы успели принять ванну – надо отметить, что в этом обществе уже существовали центральное отопление и водопровод – и знатно отобедать крольчатинной в суха-

рях, запивая нежное мясо весьма недурным, на мой взгляд, пивом, принесенным одним из рыжих лакеев в большом ледяном кувшине откуда-то из погреба. Тепло потрескивающего поленьями камина, сытость и общая вялость наконец начали приносить свои результаты и, скроив из цветочного горшка вполне работоспособную пепельницу, мы дымили в потолок, растянувшись на шкурах, и предавались ленивой неге. Иначе говоря, валяли дурака. Снег за окном ближе к ночи перерос в полноценную выюгу, завывающую и бьющуюся в рамы, будто беснующийся дикий зверь, а мы вновь мечтали о будущем.

– Получу денег, – вздыхал Славик, – и автомобиль куплю. Никогда у меня машины не было, а теперь не просто старье на вторичке, а в автосалон пойду, как белый человек. Выберу там себе на вкус и цвет, куплю страховку и уеду на море.

– Это с твоим-то опытом вождения, – хохотнул я, наливая пиво из кувшина. – Тебе бы, друг ситный, без потерь вокруг квартала прокатиться, а он на море.

– Эх ты, а еще друг называется, – расстроился Зимин. – Нет, чтобы поддержать товарища, а он сразу мордой в косяки тыкать. Ладно я, а вот ты что со своей долей делать собираешься?

Я в задумчивости почесал щетину на подбородке. Если верить контракту и обещанию старика, куш мне светил немалый. Шутка ли, больше миллиона долларов. Сумма в моей голове не укладывалась. Нет, вы только не подумайте, что я

её себе представить не мог. Очень даже мог. Способен был даже список детальный составить, на что можно потратить эту чертову гору дензнаков, но вот тот факт, что доллары были именно мои, точнее, когда-то будут в таком количестве, в голове моей не укладывался.

Спокойствие и тишину в номере разорвал настойчивый грубый стук в дверь.

– Явился, – поморщился я и, нехотя оставив удобное ложе, поплелся открывать дверь.

На пороге, закутанный в толстый серый плащ, стоял бледный седой старик. В цепких пальцах ментора, а то, что это был именно он, я почему-то не сомневался, имелся объемистый мешок, туго стянутый у горловины толстой пеньковой веревкой.

– Господа негоцианты, приветствую, – обронил поздний гость и, нисколько не смущаясь, втиснулся между мной и дверным косяком. – Я по поручению господина барона. Могу ли я войти?

– Да вы уж вошли, – ехидно заключил я, наблюдая, как ментор скидывает запорошенный снегом плащ на спинку стула. – Чем обязаны столь позднему визиту?

– Будем учиться говорить, – кивнул тот, не замечая проскользнувшего в моих словах сарказма. – Вам что удобнее? Практикую два способа. Первый из них долгий, нудный и требует большой практики. Бесплатный к тому же.

– А второй? – поинтересовался Зимин с кровати.

– Второй платный, – кивнул старик, развязывая веревку на мешке. – Простой, быстрый и почти безболезненный. Из побочных эффектов тошнота, головокружение, жидкий стул, но все это временно и не у всех.

– Выпить не желаете? – поинтересовался я у ночного гостя.

– Не откажусь. – Ментор засунул руку в мешок и вытащил на свет грубо сработанную шкатулку. – Камень знаний, – буднично сообщил он.

– Видите ли, господин... – Я замялся. Наглый и навязчивый незнакомец даже не потрудился представиться.

– Называйте меня ментор, – отмахнулся пришелец. – Имя мое вам ничего не даст, да и забивать голову такими пустяками господам негоциантам не следует. Найдутся дела и поважнее.

– Хорошо, господин ментор, – охотно согласился я. – Вы понимаете, мы люди не местные, и некоторые вещи, знакомые вам с детства, могут показаться для нас непонятными.

– Вы о способах? – заулыбался старик, выставив на обозрение голые десны. – Все просто. Первый способ заключается в изучении основных терминов и прочей дряни по определенной методике, его используют не столь обеспеченные люди, как вы. Второй же более эффективен. В основе способа стоит «камень знаний» – артефакт, способный вводить человека в транс. В состоянии особого транса человек способен усваивать информацию в колоссальных размерах. Вы-

учить язык он, к примеру, способен за полтора часа, а то и меньше.

– Интересный камень, – я с любопытством взглянул на шкатулку. – То есть, если я захочу выучить ваш язык, то стоит мне посидеть около камня, и знания осядут в голове?

– Не совсем, – смутился старик. – Камень лишь вводит в транс. Вы не бойтесь, тут нет ничего опасного. Более того, для вашего спокойствия я могу погружать в сон каждого по отдельности, дабы один из вас мог следить за процессом и прервать его в любой момент, если вдруг ему почудится опасность. Обучение будет происходить в три этапа. Первый занимает полчаса, и в ходе его мы изучим алфавит и правила произношения. Второй этап более долгий, отнимающий едва ли не вдвое больше времени. Он целиком и полностью будет посвящен правилам спряжения и склонения, а также другим необходимым нюансам. Третий же, самый ответственный, будет завершающим, так сказать, закрепителем пройденного материала.

Мы с Зиминым переглянулись. Вариант с чудодейственным камнем подходил нам лучше некуда и в какой-то мере являлся чуть ли не подарком судьбы.

– Как действует камень? – полюбопытствовал я. – Или, может, это секрет?

– Нет, не секрет, – покачал головой ментор. – Все дело в хитрой огранке, искусстве наших ювелиров. Светляки, сол-

нечные блики или что-то еще, способное излучать свет, отражается от граней и действует на обучаемого, погружая его в здоровый, спокойный сон. В ходе погружения таким способом открываются каналы восприятия, и вперед. Именно потому приходится хранить камень в темном месте, исключая возможность попадания его на свет.

– Интересно, – улыбнулся я. – Ну а, скажем, помимо языка я хочу научиться фехтовать или, например, скакать на лошади. Может ваш булыжник мне в этом помочь?

– Нет, однозначно нет, – покачал головой старик. – В состоянии сна я могу дать вам только знания. Умение верхового или профессионального арчера – это скорее память рук, глаз, спины и ног, но никак не память головы.

– Моторики не хватает, – подсказал Зимин.

– Именно, – щелкнул пальцами старик. – Термин этот на вашем языке обозначает мышечную память и как нельзя лучше подходит под определение того, что я не могу вам дать.

– А можно нескромный вопрос? – Вызывающая манера поведения старика несколько меня завела, и я решил немного поиздеваться.

– Валяйте, – махнул сухой рукой ментор.

– Вот, скажем, камень ваш, – хмыкнул я, – его же можно купить?

– Можно, – согласился наш гость. – Камень сей особенный, почитай – редкость, но, обладая нужным количеством

золотых, можно купить хоть дюжину. Я понял, к чему вы клоните, господин негоциант.

– И к чему же? – поинтересовался я, постаравшись придать своему лицу как можно более невинное выражение.

– А к тому, – ухмыльнулся старец, – что в вашем понимании, стоит только купить себе «камень знаний» – и вы готовый ментор. Так, я спрашиваю?

– Так, – развел я руками.

– Загвоздка есть, – закусил губу старик. – Да такая, что если бы вы знали, начисто бы отбросили эту идею.

– Поделитесь, ментор, – кивнул я, стараясь подавить усмешку, – тут все свои.

– Транс, – просто пожал плечами седой. – Вогнать-то вы человека сможете, а вот вывести уже не получится. На выходе овощ, а не личность. Более того, любой способ, отличный от способа гильдии менторов, может привести к летальному исходу. Все еще хотите приобрести такой камушек? Могу посодействовать, всего-то десять тысяч полновесных золотых.

– Нет уж, – улыбнулся я. – Предоставим дело профессионалу. И не боязно ли вам ходить со столь драгоценным камнем по улицам? Лихие люди, темные закоулки, ну вы понимаете.

– Понимаю, – кивнул старик. – Но за себя не опасаюсь. Я член гильдии менторов. Уважаемый человек. К тому же при мне три телохранителя из гильдии наемных убийц.

Эти парни знают свое дело и честно отрабатывают потраченные на них деньги. Ну, так что, какой способ желаете выбрать?

– Первый долго, – нехотя пришлось признать мне, – а ввиду складывающихся обстоятельств, знания нам необходимы. Смущают, конечно, некоторые аспекты, или побочные эффекты, что вернее, и есть одна загвоздка. Мы только что прибыли и не успели обзавестись ходящими здесь золотыми кругляшами.

– Не извольте беспокоиться, господа. – В глазах старика промелькнул огонек жадности. – Вопрос оплаты можно с легкостью урегулировать. Ну, скажем... – Старик наигранно задумался. – Нет ли у вас чего-то особенного, того, что в нашем мире быть не может? Сушная безделица для вас, но артефакт для старого ментора. Вы дарите мне эту безделицу, а в ответ я оказываю вам свою маленькую услугу.

– Артефакт, – поморщился я. Действительно, в нарушении всех инструкций мы с Зиминим протащили в эти средние века некоторые предметы быта, запрещенные к ввозу. Электрические зубные щетки и батарейки к ним, взятые пригоршней про запас, ментору были явно без надобности. Зачем человеку без зубов зубная щетка? Фонарики в этом мире были хоть и не запрещены, но являлись большой редкостью, но и их старик вполне мог бы себе позволить. Был еще тщательно спрятанный на дне сумки ноутбук, но отдавать его в планы не входило.

– Вот. – Покопавшись в боковом кармане кофра, я с сожалением вытащил свой старый плеер. – Подойдет?

Аккуратно взяв в руки флэш-проигрыватель, старик начал внимательно рассматривать непонятный для него объект.

– Что это? – наконец сдавшись, поинтересовался он.

– Плеер, – кивнул я на белый прямоугольник с наушниками. – Музыкальная шкатулка, трубадур, гуслиар, баян, что вам будет угодно. Давайте я продемонстрирую.

Нацепив на старика наушники, я вдавил кнопку старта и, пролистав плейлист, включил самую спокойную и умиротворяющую композицию из всех, что хранились в памяти устройства. Эффект был прилюбопытнейший.

Старик замер, будто проглотил шест, и, выпучив глаза, начал судорожно озираться вокруг, очевидно, пытаясь угадать, где эти чертовы торговцы умудрились спрятать целый симфонический оркестр во главе со скрипачкой азиатского происхождения. Впрочем, надо отдать ему должное, успокоился он быстро. Он не стал кричать, бегать по комнате, рвать на себе одежду или и так редкие волосы, а лишь вытер вдруг проступивший на лбу пот и, вынув из ушей наушники, аккуратно положил их рядом с собой. Похоже, специфика работы с иномирянами давала о себе знать.

– Подойдет? – вновь поинтересовался я.

– Более чем, – кивнул седой, все еще опасливо косясь на чудесную белую коробочку с трубадурами. – Певучий

ящик, я слышал о таких, но вот держать в руках приходится впервые.

– Тогда начнем? – улыбнулся я. Уже перевалило за полночь, а впереди была долгая и утомительная дорога до столицы, прием дел и желание вникнуть во все подробности, узнать обычаи и пристрастия и, главное – предугадать те ситуации, когда тебе ни с того ни с сего могут отсечь голову. Печальная участь моего предшественника несколько удручала.

– Начнем, пожалуй, – наконец решился ментор и, засунув руку в мешок, вытащил оттуда черную повязку. – Кто из вас первый?

– Начнем с меня. – Я встал с кровати и, пройдя к шкатулке, стоящей на столике, опустился в кресло.

– Тогда это вам. – Ментор протянул повязку Славику. – Наденьте и не снимайте, пока я не скажу. Снимете, рискуете погрузиться в транс вместе, что, как я понимаю, вам не очень и охота.

– А как же вы? – улыбнулся я. – На вас камень не действует?

Вместо ответа ментор вытащил из мешка еще одну повязку и нацепил её себе на глаза.

Ну что я могу сказать? Старик до копейки отработал мой плеер. Сам эффект от столь странного способа получения знаний настолько меня поразило, что некоторое время я не мог найти слов, чтобы описать все свои ощущения.

Очнувшись, я припал к кружке с давно уже выдохшимся пивом и взглянул на скучающего Зимина.

– Ну что, Славик? Было что криминального?

– Нет, – зевая, поделился мой приятель. – Ничего более скучного я не видел. Чуть не заснул. Ты спал, а ментор монотонно бубнил тебе тарабарщину из свитка. Чуть позже ты начал отвечать, а когда вы вместе начали выводить эти вирши, я решил допить пиво и пойти спать.

– Поспал?

– Да куда там! Бубнили свои загогулины как заведенные. Я думал, крыша поедет, ан нет, вроде соображаю.

– Тогда ты следующий. – Я кивнул в сторону усталого, но донельзя довольного старика. – Как вы, ментор, не желаете ли передохнуть?

– Работа, – отмахнулся он, довольно улыбаясь. – Во главу всего работа, а уж отдохнуть успею. Вот, лучше возьмите повязку. Она вам пригодится.

– Нет, – улыбнулся я. – Я уж лучше спущусь в общий зал, проверю свои новые знания на практике.

Старик лишь отмахнулся и, плотно закрыв за мной дверь, принялся шаманить над своим камнем.

Несмотря на поздний час, жизнь в обеденном зале была ключом. Множество людей, кто в гражданском, кто в легком доспехе, заполонили обширный, а теперь казавшийся маленьким и тесным зал. Шумели, играли в кости, пили вино и пели песни. Молодой парень с длинной куцей бород-

кой, пристроившись на небольшом подиуме, бряцал что-то на вычурном струнном инструменте, симбиозе мандолины и гитары. Мимо меня проносились официанты, разносящие на широких подносах напитки и мясо. С одним из них я чуть не столкнулся, но парень, ловко перехватив свою ношу, успел по дороге раскланяться и почему-то извиниться.

– Прошу простить меня, уважаемый негодичант.

– Не стоит, – легко отмахнулся я.

Я понимал. Я понимал абсолютно все. Застольные песни пьяных военных, завывание бородатого барда, неразборчивое бормотание завсегдатаев, предпочитающих барную стойку общему залу. Подготовиться к этому крайне сложно, а уж осознать вдвойне. Я привык к тому, что любое знание дается с трудом, упорством и жаждой этого знания, но чтобы в один вечер, и выучить язык? Потрясающе. Профессор Берк и то предрекал минимум полторы недели.

– Как поживаете, господин негодичант?

За барной стойкой, на этот раз в кожаном фартуке и с заливчатски заломленным колпаком на голове, находился сам управляющий.

– Замечательно, – улыбнулся я. – Нас не представили. Дмитрий.

– Негодичант Дмитрий...

– Просто Дмитрий. – Я уселся на чудом оставшийся свободным в этой суতোлке стул и принялся изучать ряды сосудов с горячительным. – К чему этот официоз?

– Тогда я просто Арнольд, – кивнул бармен. – Желаете выпить?

– Видите ли, Арнольд, – замялся я. – Мы только что прибыли...

– Не извольте беспокоиться, господин Дмитрий, – задорно подмигнул мне человек за барной стойкой. – Для людей вашего круга счет в нашем заведении всегда открыт. Вы всегда сможете расплатиться, как вновь встанете у нас на постой. Вот ваш предшественник, негодянт Андрей, земля ему будет пухом, был частым клиентом нашего заведения. Расчет с ним был честен. Деньги приносил в срок или присылал с курьером. Все чин по чину.

– Я слышал, ему отрубили голову? – осторожно поинтересовался я.

– О да, – кивнул бармен. – Печальная история. Так что вы все-таки желаете?

– На ваш вкус, – пожал я плечами. Знания языка в моей голове прибыло, а вот элементарных понятий, таких, к примеру, как названия напитков в пузатой стеклянной таре, стройными рядами громоздящихся за спиной управляющего, я попросту не знал.

– Пива! – На стойку рядом со мной буквально рухнул молодой солдат с нашивками местного пехотного полка на рукаве. – Пива, чертов обманщик, мне и моим друзьям, и не вздумай разбавлять свою кислятину. Трактир подпалю!

Смотритель усмехнулся в кулак и выставил перед го-

ре-воином здоровенную глиняную кружку литра на полтора, не меньше, до краев наполненную ароматным пенным напитком.

– Угощайтесь, господин сержант, – от заведения.

Пробормотав что-то невразумительное, солдат, в обнимку с пивом, нетвердой походкой удалился к дальнему столику, где его друзья сослуживцы горланили застольную песню и предавались всем прелестям безудержного пьянства.

– Дичают, – виновато кивнул бармен, выставляя передо мной стакан с янтарным напитком. – Скучно им здесь. В карты или кости играть неинтересно, каждый уже знает, кто на что способен, дуэли запрещены военным кодексом. Остаются шлюхи и алкоголь, вот и пьют без удержу, спуская за вечер жалованье, да грезят о горных компаниях. Вы только не подумайте ничего плохого, господин Дмитрий, все они, в сущности, отличные парни, готовые, если что, закрыть тебя грудью от вражеского арбалетного болта, но как выпьют, дураки дураками.

– Мой предшественник, – кивнул я и пригубил предложенный напиток. Крепкий, терпкий, со странным, абсолютно незнакомым, но любопытным привкусом, он мне явно понравился. – Негоциант Андрей. Хотелось бы более подробно узнать, что стало причиной столь печального конца?

– Интриги, – улыбнулся бармен. – Интриги и обычаи. Вы, наверное, не знаете, что, вступаясь за даму, вы обязаны вызвать обидчика на дуэль?

– Ну почему же, – пожал я плечами. – Когда-то и у нас был схожий обычай. Только было это очень давно, и с тех пор придумали массу менее кровопролитных способов решения таких вот споров.

– А у нас, видать, осталось, – пожал мой собеседник плечами. – Заступился ваш коллега за даму, вызвал обидчика на дуэль, да не учел, что тот, в случае вызова, волен выбрать то оружие, что лучше в руку ложится.

– И что же произошло? – Я отхлебнул из стакана и глазами поискал пепельницу.

– Сущая безделица, упал в обморок прямо перед тем, как поклониться королю. Его Величество страх как любит зрелища, а если дело доходит до дуэлей, так сам не свой. Скрепя сердце указ о запрете сего зрелища в армейских кругах подписывал, да и то, чтобы друг друга не поубивали. Оскорбление высшей меры! Неслыханная наглость! Вот ему и решили голову от тела отделить. Спасибо Его Величеству, смерть легкая, почетная.

– Странная история, – кивнул я.

– А то, – вдруг зашептал бармен. – Более странной истории я слыхом не слыхивал. Разговаривал я с господином неgociантом, много с ним разговоров вели по делу и не очень, много алкоголя выпили и никогда, слышите меня, никогда Андрей не страдал обмороками или слабостью. Здоровый был как бык. Доктора к нему, если только на званый обед ходили.

– Мда... – Я допил неизвестный мне напиток и поставил опустевший стакан перед собой. – Дело темное. Кстати, что это?

– Дубовая настойка, – улыбнулся наблюдатель. – Понравилось? Не желаете еще?

– Спасибо, – покачал я головой. – Крепка чертовка, а мне кажется, что ясность мысли мне пригодится как никогда. Вот от кружки доброго пива я бы не отказался.

– С луковыми кольцами? – подмигнул мне господин Арнольд.

– Да вы гурман, – хмыкнул я. – Ну что уж тут скажешь, давайте с луковыми кольцами.

В обшарпанной старенькой хрущевке на окраине Москвы встретились четверо. Внешне неприглядный район, удел неудачников, бедняков и мелкого криминалитета должен был стать одной из отправных точек грандиозной по своему масштабу операции, совместного действия ФСБ, Моссад, Ми-6 и ЦРУ. Знали бы жители окрестных домов, какие словесные баталии происходили на пятом этаже, на крохотной пятиметровой кухне, наверное, пришли бы в ужас.

На вид, правда, все было просто и буднично. Ровно в три часа по московскому времени на крохотную парковку вкатил «гелендваген» с наглухо затонированными стеклами. Выбравшись с водительского сиденья, невысокий широкоплечий крепыш в дорогом английском костюме спокойно про-

шел к подъезду. Сигнализация «мерседеса» сработала исправно, и брелок в руках мужчины пискнул, а в тон ему ответил ключ домофона. Уже через пару минут он стучал подошвами ботинок по грязной бетонной лестнице.

– Ну и райончик, – бубнил про себя крепыш, уверенно двигаясь мимо потертых дверей и залепленных жевательной резинкой дверных глазков. – Экономят. На всем экономят, будто мы не супердержава, а страна третьего мира, Никарагуа, не иначе.

Достигнув площадки пятого этажа, мужчина остановился и начал в замешательстве вертеть головой. Номера на квартирах отсутствовали, и предстояло определить, к какой из дверей подходит ключ от конспиративной квартиры. Первая, обитая вагонкой, отпадала сразу. Из-за непрочной преграды явственно доносились детский плач и лай собаки. Ни детей, ни животных в квартире ФСБ присутствовать не могло. Вторая дверь поразила своей архаичностью, по-видимому, осталась с того самого момента, когда полвека назад это панельное убожество пошло в серию. Оставались третья и четвертая дверь, но с этим получилось разобраться без лишних хлопот. В одной из них явно был ригельный замок, а в кулаке агента ключ от «цербера» с ребристой бородкой сложной конструкции.

«Вот она», – решил крепыш и, подойдя к двери, вставил ключ в замочную скважину. Так все и вышло. Умный импортный замок щелкнул раз, потом другой, и агент оказал-

ся на пороге пустой квартиры. В ноздри ему тут же ударил стойкий запах хлорки вперемешку с нафталином. Не снимая обуви, он поспешил на кухню, чтобы открыть окно на проветривание.

Американец появился четырьмя минутами позже. Подойдя к двери, он нажал на кнопку звонка, и конструкция внутри однокомнатной квартиры разразилась мерзким, выбивающим мозги звонком. Дверь тут же распахнулась.

– Вы быстро, Джонсон, – кивнул крепыш, отступая в коридор и давая американцу пройти. – Вас в посольстве и рекомендовали.

– И как же меня охарактеризовал наш резидент? – с усталой ухмылкой поинтересовался Джонсон, с интересом осматривая выцветшие обои в горошек и вспучившийся паркет стандартного русского жилища. – Вы не стесняйтесь, Александров. Мы же теперь в одной команде. У одних опыт, у других технологии, у третьих лобби и интересы. Все мы, как говорит ваш президент, в одной лодке, и смысла нет её раскачивать.

– Хотите что-нибудь выпить?

– От содовой не откажусь.

– Вот и славно. – Пройдя на кухню, Александров потянул за ручку старенького холодильника «Беларусь» и, отметив хорошую работу тылового отдела, вытащил с верхней полки бутылку шипучки. – Стаканов нет, – усмехнулся он, оглядывая пустые полки потрескавшегося от времени кухонного

гарнитура.

– Да я не в претензии. – Приняв из рук коллеги холодную бутылку, Джонсон ловким движением руки сдернул крышку, потянув за жестяное кольцо.

В дверь снова настойчиво позвонили, и новый хозяин квартиры поспешил принять гостей.

– Привет. – Хмурый тип в мышинного цвета костюме нехотя помахал рукой и с тоской осмотрел прихожую. – Пробки.

– Господин Мак-Лохлен! Здравствуйте. – Агент ФСБ напялил на свое лицо дежурную улыбку радушного хозяина. – Проходите, не стесняйтесь. Джонсон уже здесь.

– Кон задержится. – Не снимая обуви, Мак-Лохлен прошел на кухню и, кивнув американскому коллеге, оседлал старенький табурет, видевший, наверное, самого Никиту.

– Как задержится? – не понял Александров.

– Да завернул не там, – кровожадно оскалился агент Её Величества. – Мы сначала вместе ехали, а потом он решил натянуть мне нос и нарвался на вашу дорожную полицию.

– Должны отпустить, – улыбнулся крепыш.

– Как же, – добродушно отмахнулся англичанин. – Дудки. Он на ваших номерах, и под легендой белорусского инженера. Вытрясут как липку, а может, и еще чего придумают.

С полчаса просто разговаривали, делились последними несекретными новостями и потягивали шипучку прямо из бутылок и, наконец, раздался третий звонок.

Кон был хмур, зол и обижен.

– Твари, – заявил он с порога. – Твари ваши менты.

– Ну что вы, Оз, право слово. – Александров поспешно прикрыл дверь на кухню, откуда доносился сдавленный кашель англичанина. Тот как мог скрывал свой смех, но вышло у него это плохо, а может быть, он и вовсе не старался.

– Как сказать, Сергей, как сказать. – Немного успокоившись, Кон пригладил пятерней взъерошенные волосы и поинтересовался: – Все в сборе?

– Да, – охотно подтвердил Сергей, закрывая за гостем дверь и накидывая цепочку. – Вся четверка.

– Тогда приступим?

– Документы привезли?

– Все с собой. – Израильтянин похлопал по нагрудному карману кашемирового пальто, где у него хранился коммуникатор со всеми данными по текущему вопросу. – Транспортные потоки штука сложная. Соорудить что-то у нас не получилось.

– Как, впрочем, и у остальных, – улыбнулся Александров.

– Верно, – согласился Оз. – Если бы кто-то из нас смог воспроизвести врата, мы бы сейчас тут не разговаривали.

– Да вы проходите на кухню, ко всем остальным, – добродушно предложил агент ФСБ.

Собравшись на кухне вокруг небольшого стола, четверо агентов обменялись понимающими взглядами, и слово взял Джонсон.

– Делюсь тем, что не то чтобы секретно, скорее обидно, –

начал он, перейдя сразу к делу. – Технология копированию не поддается. Едва наши яйцеголовые доходят до определенного результата, как все летит ко всем чертям. Мы даже испытали тестовый вариант врат, отправив в портал кошку на веревке. Кошка прошла, и все. Вытащить получилось только обугленный скелет.

– Управляющие схемы? – предположил Александров.

– Именно. Выходит, что у Подольских есть не только дверь, но и умный замок, следы которого обнаружить не получилось.

– Ну, это нам ясно. – Мак-Лохлен презрительно взглянул на собравшихся. – Но мыто тут зачем собрались?

– Общие интересы, – быстро пояснил Сергей. – Нам нужны определенные военно-космические технологии, материальная база и штат сотрудников. Все это в той или иной мере есть в ваших ведомствах и закрыто за семью запорами. Дело сдвинулось с мертвой точки, и Подольских готовится к крупной операции, но, боюсь, без всего вышеперечисленного нам не обойтись. Итак, господа, соглашение на верхах достигнуто. Осталось договориться только нам и как можно быстрее приняться за дело.

– А дело-то, собственно, в чем? – поинтересовался Оз.

– В мировом господстве, – начал загибать пальцы агент ФСБ, – в инновационных технологиях, аналога которым не было на Земле. В багаже знаний, в новых вакцинах от болезней. Да в чем угодно, черт возьми.

– Значит, будем обсуждать, – улыбнулся Кон и, потеряв ладони, поинтересовался: – Сколько мы будем иметь процентов с операции?

Немилосердная барабанная дробь разбудила нас в полседьмого утра. По крайней мере, так говорили мои механические часы, заботливо уложенные на тумбочку рядом с кроватью.

– Господа негодяи, просыпайтесь, пора в путь!

Сияющий и довольный собой Ярош появился на пороге нашего временного пристанища, впустив в помещение морозный дух зимнего утра.

– Я обо всем договорился, – громогласно декламировал он, пока мы с Зиминим, зябко кутаясь в одеяла, пытались сообразить, что происходит. – Беговые на три персоны подадут на станцию через час, одевайтесь и спускайтесь вниз. Насчет завтрака я уже распорядился.

Окончательно прийти в себя получилось только в общем зале, когда мы, сонные и вялые, сидели за большим деревянным столом и поглощали местный эквивалент континентального завтрака. Тут были яйца, тонкие полоски ароматного бекона, почему-то обжаренного в сухарях, что-то терпкое и черное, по виду и свойствам напоминающее кофе, но отдающее земляникой, и во главе всего котелок с дымящимся варевом, обозванным господином Арнольдом фирменным блюдом заведения.

– Вижу, что общение с ментором не прошло для вас да-

ром, – добродушно кивнул барон, наливая себе черного напитка из пышущего жаром чайника. – И что этот старый хапуга запросил за свои услуги?

– Плеер, – пожал я плечами. – По-вашему, поющую коробку.

– Вот мерзавец! – Грецки в сердцах ударил себя кулаком по колену. – Да за поющую коробку я бы с десятков таких, как он, нанять смог. Извините меня, господа, моя вина.

– Не расстраивайтесь, господин барон, – поспешил я успокоить нашего провожатого. – Сущая безделица.

– Эх, господин негоциант, – покачал он головой, – не ввел я вас в курс дела. Проклятые дела в комендатуре заставили задержаться за полночь, но ничего, мы прибудем в столицу, и я все наверстаю.

– Господин барон, – подал голос Славка, до этого механически поглощающий пахучее варево. – Вы только не обижайтесь, но какой статус имеете вы в нашем представительстве?

– Самый радужный, – заулыбался тот. – Род Грецки является официальным партнером Негоциантского дома Подольских на территории королевства. Мы один из трех самых влиятельных родов, и связи наши обширны.

«Кичливый петух, – пронеслось у меня в голове. – Если ты такой весь влиятельный и древний, что не могу, как тогда смогли подставить Андрея?» То, что мой предшественник попал в искусно расставленную ловушку, я не сомневался. Смотритель Арнольд, хозяин гостиницы и трактира, где мы

сейчас находились, был славный малый, и врать мне ему было без надобности. Если трактирщик говорил, что здоровье негоцианта было отменным, то не верить ему оснований не было. Вот только, что это было вообще? Предприимчивый делец перешел дорогу другим торговым представителям? Возможно. В погоне за длинным рублем и колоссальными прибылями многие могли поступиться принципами и пойти на столь подлый поступок. Темное это было дело, и чем ближе мы продвигались к столице, тем более темным казалось.

Закончив завтрак и распрощавшись с гостеприимным хозяином, мы облачились в ту зимнюю одежду, которой предварительно запаслись в Петербурге, и, закинув полегчавшие сумки на плечо, отправились вслед за бароном. Походка Грецки с момента нашего знакомства изменилась. Спина выпрямилась, пропали мельтешение и суетливость. Барон гордо вышагивал впереди нас, крепко ставя ноги, как будто желая оставить за собой четкие отпечатки подошв. Голос его стал зычен и громок, манеры хамоваты, и самое интересное, как ни силился, но возраста его я определить не смог. Господин Ярош относился к той породе людей, что независимо от возраста выглядят на крепкую сороковку. Гладкая кожа, чуть морщинок в уголках глаз и редкая седина, вот и все. Попробуй, угадай, может, ему тридцать, а может, хорошо за пятьдесят.

Свежий снег за ночь запорошил, закрыл развороченную

тяжелыми колесами землю, и теперь всю округу устилало мягкое холодное покрывало, поблескивающее на солнце. Барон шагал уверенно, ровно, размахивая руками и напевая что-то под нос, а нам оставалось только поспевать за ним, проваливаясь в снег и в душе чествуя привычку провожатого не оглядываться на своих запыхавшихся спутников. В конце концов, я решил, что ему попросту наплевать, успеваем ли мы, или завязли в сугробе по самый пояс.

Пассажи́рская повозка, в которой нам предстояло проделать путь от точки перехода до столицы, выгодно отличалась от своих армейских собратьев полным отсутствием неуместных в эту пору колес и наличием полозьев. Самые натуральные сани с дощатой кабиной, вмещавшие в себя от четырех до шести человек. Место кучера, правящего упряжкой из четырех бодрых пегих лошадок также было закрыто от ветра, оставляя для обзора узкую круговую щель. Внутри было сыро и пахло навозом.

– Не развалится? – засомневался я, оглядывая всю эту хлипкую дощатую конструкцию и мысленно прикидывая путь, который предстоит ей пройти.

– Не должна, – легкомысленно пожал плечами барон. – Подобные экипажи курсируют по всему королевству, и еще никто не жаловался.

В общем-то, помолясь, пришлось грузиться в эту ветхую конструкцию, издали напоминающую дровяной сарай, и мо-

рально готовить себя к тяготам пути. Разместились, впрочем, с комфортом. В экипаже имелись мягкие подушки и толстые тканые одеяла, призванные беречь пассажиров от возможной простуды и полного окоченения в зимний период времени. Одно было хорошо: в этом транспорте можно курить.

Дорогу помню плохо. Где-то во второй половине дня, когда я отчетливо понял, что если не глотну спиртного, то отдам богу душу, если уж не от тряски, то от холодного ветра, пробирающегося сквозь щели и вымораживающего нутро. Запасливый Славик, честь ему и хвала, вытащил из своего багажа здоровенную бутылку браги, местный эквивалент самогона с ярко выраженным еловым вкусом, и она пошла по кругу, не миновав меня грешного и почтенного барона, не чуравшегося босяцкого напитка. Еще через несколько часов сам Ярош показался мне достаточно симпатичным малым.

Нет, не то чтобы глаза окончательно застил алкоголь, но симпатия моя к нему заметно возросла. Вот пишу я эти строки и думаю, осуждаете вы меня. Пьет тут, пьет здесь, какой же он герой, коли огненная вода для него что обычная. Ни примера, ни положительного влияния. Соглашусь, друзья, идеальным меня всегда было назвать сложно. В школе учился не ах, бывало, прогуливал, и был внучатым племянником матушки лени, чему есть официальное подтверждение в моем позорном аттестате зрелости. Схватился за ум

значительно позже, когда понял, что учиться надо не для дяди постороннего, а для себя родного. Где учеба, там знания, где знания, там стабильный доход и материальные блага, к которым стремится все взрослое население. Дергаться, впрочем, было поздно, попал в армию, в ту пору, кстати, двухгодичную и почти честную в своем исполнении. Под радостные взгляды военкома на мою широкую физиономию определен был в крылатую пехоту, где и дослужился до сержанта, с последующим увольнением в запас. Службу ту, хоть криминала и не было, вспоминаю по сей день как дурной сон. Бесконечные тренировки, маршброски и огневая подготовка из всего, что под руку попадалось. Потом прыжки, бесконечные прыжки, сначала с вышек, потом со стареньких «Анов», что держатся одним куском только потому, что птицы их загадили, и все слиплось, и, как апогей, с «Ильюхиных», богов неба с утробным ревом дракона под крылом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.